

ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Ю.Ю. Шевченко

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ДАТИРОВКИ ПЕРВОХРИСТИАНСКИХ ПЕЩЕРНЫХ ХРАМОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

«Элементы культуры подвержены действию естественного отбора под влиянием разнообразных факторов, в том числе случайных и неповторимых, поэтому полный параллелизм в развитии обществ, между которыми нет обмена информацией, невозможен. В истории нет законов, а есть лишь вероятностные закономерности» [22]

Возрастающий интерес к святыням любых вер и конфессий, проступивший на фоне современного тотального распространения и широкого тиражирования всевозможных форм мистицизма, делает необходимым отклик в сфере изучения святынь и реликвий для профессиональных академических исследователей. Интенсификация такого изучения в последние годы пролонгирована рядом переизданий [65; 68] из обширного списка литературы, выпущенной до революции 1917г. [4; 50], имевшей параллели в западных изысканиях на протяжении всего XX века [115, р. 138–140, 190–195; 117; 121; 122; 123; 128], и, продолжающихся в новейшей отечественной научной литературе [1; 21; 30; 32; 45].

В этом плане подземные святыни вообще, и христианские в частности, наиболее овеянные ореолом таинственности, вызывают повышенный интерес, что делает эту тему актуальной, соответствуя объективно протекающим в науке процессам: Выделение в конце XX века из общего комплекса *спелеологии* – науки, изучающей все подземные пустоты, научной отрасли *спелестологии*, – науки об *искусственных* подземных сооружениях, – является одним из подтверждений актуальности таких исследований. Для изучения христианских пещерных святынь представляется важным еще и выбор парадигм исследования. В этом плане, среди опубликованных изысканий последних лет, особое место принадлежит работе французского ученого Н. Дюваля [123]. Это исследование, по точному определению Леонида Андреевича Беляева, декларирует «исключительную надежность и богатство археологических свидетельств, обеспечивающих возможность синтеза письменных, материальных и иконографических источников, доходящее до создания новой отрасли с собственным названием *“литургическая археология”*» [21, с. 291].

Но и задолго до выделения Н. Дювалем *литургической археологии* в качестве самостоятельного направления, этот подход существовал *de facto*, в отечественных разработках Д.М. Струкова [78; 79; 81], Н.П. Кондакова [50], Д.В. Айналова [4], и многих других. Применение методики «литургической археологии» актуализирует возвращение к взгляду «изнутри» христианского вероучения на громадный корпус памятников (артефактов) и явлений, свойственных Христианскому миру, который стал таковым благодаря существованию единого стержня – Церкви. Данное обстоятельство обуславливает изучение всех предметов материальной культуры, связанных с христианством, с привлечением источников Церкви: материалов агиографии (житий святых) и почти необозримого материала патристики (наследия Отцов Церкви), а главное – меняющихся со временем правил *литургики*. Под таким «углом зрения» необходимо рассмотрение одного из наиболее показательных в этом аспекте объектов изучения – христианских пещерных святынь. Заметим, что «взгляд «изнутри» традиции», как один из аспектов рассмотрения проблемы, был заново предложен исследователями, придерживающимися методики

структурно-семантического анализа и аналитической семиотики, как вполне релевантный [17, с. 101, 120, 129].

Такой аспект рассмотрения, казалось бы, возвращает позицию изучения подземных христианских святынь к предложенному и забытому почти столетие назад подходу, прозвучавшему в трудах преосвященного Порфирия (Успенского) [66] и обоснованного Д.М. Струковым. Однако, это не возвращение, а переход на новый уровень обобщенности материала, с учетом возможностей объективистской (позитивистской) методологии и феноменологического подхода [133], при количественном увеличении фактического материала в начале III тысячелетия Христианской эры. Рассмотрение проблемы христианских подземных святынь в этом плане видится в неразрывной связи с историей христианского вероучения, и в связи с его воплощением в человеческом социуме – в Церковной организации, где основой датировок служит изменение Канона Церкви (Церквей) и соответствие каждому этапу его существования церковных предметов, как материализованных форм канонической христианской культуры.

Это позволяет взглянуть на феномен извне (со стороны), и, не ограничиваясь взглядом стороннего наблюдателя-позитивиста, наблюдать тот же феномен изнутри, - с позиций самого Вероучения. При таком подходе архитектурно-планировочные артефакты подземных святынь (и не только подземных) становятся не только каноническими, но и хронологическими реалиями, соответствуя тому или иному периоду, что обусловлено их функциональной необходимостью, сообразно действовавшей в каждый конкретный период времени совокупности канонических правил. В этом случае «палеоэтнография артефактов» реконструируется в модель «живой этнографии» исторического прошлого. Именно в таком плане должны использоваться приемы «литургической археологии»: в аспекте палеоэтнографии, как раздела культурной антропологии, для правильного хронологического позиционирования тех или иных канонически определенных элементов подземных святынь. Из всего необозримого корпуса артефактов христианской культуры в предлагаемом исследовании избрана серия архитектурно-канонических элементов храма – *литургических устройств*, поддающихся датировке: *алтарь – престол – жертвенник*, в начальной фазе своего существования, составлявшие неразделимое единство одного объекта [21, 175; 35, с. 67–68], и разделившиеся с течением времени в результате усложнения форм обрядности.

Престолы в виде выступающего в алтарь кубообразного останца скалы, или в виде ниши-полки, вырубленной в апсиде храма, отмечены еще в 1872–1876 гг. для пещерных церквей Крыма и атрибутированы, как *литургический элемент* свойственный исключительно первохристианству. Такая констатация прозвучала более чем за век до формулировки принципов «литургической археологии» [21, с. 10, 185. Прим. 30, 238. Прим. 52, 291, 297. Прим. 17, 472. Прим.17; 115, р. 138–140, 190–195; 117, р. 251–254; 121; 122, р. 55–61; 123, р. 149–212; 128]; и, тем не менее, в полном соответствии с ними. Этот подход был изложен в работах Д.М. Струкова, высказавшего на этих основах, положения о датировке некоторых *храмовых архитектурных элементов* в соответствии с канонами Церкви, действовавшими в строго определенное время.

Исследователь крымских христианских пещерных храмов [78, с. 3–51; 79, с. 3–72; 81, с. 3–14] описал в их «*восточной стене выдолбленную нишу-впадину..., что может служить престолом*» и «*как бы прислоненный к стене выступ..., который может служить престолом*». Описанные архитектурно-канонические элементы храма, выполняли функции престолов, предназначенных исключительно «для совершения богослужения по чину литургии св. апостола Иакова», проводившейся **перед престолом**. Храмы с синтроном в апсиде - полукружьем скамьи-сопребстоля вдоль поверхности апсиды, с епископальным креслом по ее центру, и обособленным в центре пространства алтаря возвышением престола, Д.М. Струков, относил к типу храмов, где «литургия совершалась по чину Василия Великого», т.е. – **вокруг престола**.

Эти выводы были четко сформулированы Д.М. Струковым и на более широком материале: не только крымском, но и появившемся при изучении пещерных храмов в Донском бассейне, а также в Киеве и Чернигове [77, с. 151–152]. Исследователь отнес возведение многих пещерных святынь непосредственно к периоду составления чина литургии при жизни самого свт. Василия Великого, не учитывая, что только после V/VI-го – Трулльского (Дворцового) Вселенского собора 692 г. этот вид службы стал обязательным, и вначале, – только на праздник Благовещения.

Несмотря на некоторую претенциозность в хронологии (например, отсутствие у христиан храмов, кроме «храма тела» до II в., как минимум [5]); несмотря на не слишком оправданную типологическую дробность, и связанную с ней нечеткость хронологической классификации канонических архитектурных элементов храмов, – принцип *«литургического соответствия»* Д.М. Струков избрал правильно. Например, согласно Д.М. Струкову период, когда на Юге Восточной Европы строились *«храмы первого типа»* (с престолом в виде вырубленной ниши, аналогом которой была ниша-алтарь/жертвенник), был определен: *«от проповеди Андрея Первозванного»* – ок. 52 г. н.э., *«до папы Римского Климента»* – 96 г. н.э. С Климентом, во время его ссылки в Крым, согласно Д.М. Струкову, якобы, были привнесены типы организации алтаря, присущие катакомбам Рима (с престолом-останцем, выступающим внутрь апсиды). И этот тип композиции алтарного пространства сохранялся, по Струкову, до служения на Константинопольской архипастырской кафедре свт. Иоанна Златоуста (между 397–404 гг.), при котором литургия архиепископа Кесарийского Василия Великого была введена (в несколько дополненном варианте) в практику всей Восточной (Греческой) Церкви. После введения в этот период (397–404 гг.) нового чина литургии (*«вокруг престола»*), престолы стали занимать центральное место в пространстве алтаря.

Столь дробная (и неоправданно – ранняя) периодизация должна и может быть скорректирована, если учесть, что древнейшие типы престолов, пригодные для службы по *«Учению Двенадцати Апостолов» (Дидахе)* или по *«чину литургии ап. Иакова Старшего»*, продолжали использоваться до появления в Западном христианстве *переносного престола*, и до соответствующей Энциклики Римского Понтифика (на фоне противодействия иконоборчеству папы Григория II и Римского собора 729 г.). Как до очередного забвения Римских катакомб в IX в. продолжали возобновляться их подземные храмы с соответствующими престолами. До этого времени на западной территории христианской Эйкумены еще служились храмы с престолами, предназначенными для древнего чина литургии *«перед престолом»*. О возобновлении таких престолов даже в IX в. свидетельствует написание над одним из них изображения Христа Пантократора византийскими иконописцами, в подземной крипте св. Цецилии в катакомбах св. Каллиста именно в это время [118, р. 24–25, Fig]. Перемены и метаморфизм литургии отразился и на Востоке, в толковании на литургию Германа, патриарха Константинопольского (715–730 гг.), что соответствовало решениям последовавшего VII-го Вселенского собора (787 г.).

Перемены в литургической практике и изменение в соответствующих им архитектурно-канонических элементах храмов менялись еще более сложно и неожиданно и в различное время в разных регионах, как показало изучение храмового зодчества Константинополя, материковой и островной Греции в самом раннем средневековье: Предшествовавшая церкви св. Мины в Константинополе, крипта V в. имела *«развитую апсиду и круговой обход»*; в другом храме, перестроенном из триклиния (ок. нач. VII в.), *«поскольку синтрон закрывал одну из... дверей»*, была обеспечена *«сохранность литургических устройств (синтрона с проходом под ним, его ограды и солеи)»* (выделено мной, – Ю.Ш.) [21, с. 188, 258]. Сооружение в Константинополе храмовых зданий в V и VII вв. с *«круговым обходом»* престола, иногда выполнявшимся под синтроном, свидетельствует о применении в них литургии *«вокруг престола»* по чину Василия Великого [21, с. 283, 291, 308. Прим.80]. В восточной части христианского мира различные типы литургии сосуществовали, как и на

Западе – не менее чем до середины IX в. [98, с. 196–201]. Соответственно этому строились различные типы храмов, имевших различный тип престола. Например, заупокойная часовня (болгарский «*параклис*») имела древний тип престола [13, с. 61–73], примыкавшего к апсиде (правда, возможное время строительства таких сооружений определяется с VII по IX вв.). В то же время храм общины, служившийся по всему годовому циклу праздников (особенно, после «Канона» патриарха Фотия), в соответствии с *последованием службы* патриарха Германа, должен был иметь престол в центре алтарного пространства. Переход от практики службы *перед* престолом, к литургии *вокруг* престола был более сложен и протекал в разное время на различных территориях христианского мира, но в рамках конца VII (Трулльский собор 692 г.) и начала VIII вв. (Римский собор 729 г.).

Сохранение «кругового обхода» (вокруг престола) показательно в базилике свт. Николая в Мирах Ликийских на побережье Малой Азии (современный г. Демре, Турция), которую начали строить в VIII в. [21, с. 196–199]. Основание ее древнего первоначального престола (рис. 1,1:1), и его размещение внутри и впритык к амфитеатру синтрона (рис. 1,1:2), вынудило строителей проложить под синтроном «круговой обход» (рис. 1,2:3), для исполнения литургии по чину Василия Великого «*вокруг престола*», а позднее – престол перенесен западнее, в сторону наоса, и размещен под навесом кивория (рис. 1,1:1), что произошло при завершении строительства храма в 832 г. [102, с. 89–92]. Таковы реалии памятника, строившегося в сложные времена иконоборчества VIII–IX вв., и возможные для наблюдения, поскольку частые перестройки и реконструкции наземных храмов, зачастую кардинально меняют их облик, лишая изначальных реалий.

Обращение к пещерным памятникам, намного чаще сохранявших изначальные конструктивно-литургические элементы [27, с. 72–80], кардинально меняет картину хронологических изменений важнейших архитектурно-канонических элементов (артефактов) храмов. Заслугой Д.М. Струкова, в изучении такого «подземного корпуса христианских источников», еще в 70-е гг. XIX в., явилась первая разработка по типологии и хронологии литургико-архитектурных артефактов, представленных древнейшими престолами храмов, по мнению ученого, относившихся к I–VII векам. Однако, приходится констатировать, что отмеченные Д.М. Струковым типы престолов, выполненных в виде ниши-полки в алтарной стене (апсиде), были канонически равнозначны престолам-уступам, примыкавшим к внутренней алтарной стене храма: в обоих случаях, при типологических различиях, это были функционально-единные артефакты, где во вмещающих алтарных пространствах, служба происходила *перед престолом*. Поэтому их использование следует считать синхронным. Видимо появились эти литургические устройства несколько позднее, и различились их происхождение и прообразы в складывавшихся традициях организации алтарного пространства ранних христианских храмов. Времени создания подобных объектов и коллизиям, сопутствующим их появлению, посвящен предлагаемый ниже материал.

Присутствие апостолов и апостольских мужей на Черноморском Побережье, подтверждаемое апокрифическими источниками (Андрей Первозванный в Тамани, Херсонесе или Мирмекии, например) или известное с IX в. (ссылка третьего Римского Понтифика Климента в Крым между 93–96 гг. н.э.) [90, с. 151–206], и материальными объектами (пещера Симона Кананита над Псырцхой на Кавказском Побережье), как ни парадоксально, не привело к началу процесса христианизации данных территорий. Так, распространение вероучения в позднеантичной/ранневизантийской Грузии началось лишь в IV в., и только с деятельностью св. равноап. Нины, а монашеское движение – с VI в., после проповеди «двенадцати преподобных Отцов-Сирийцев», приведенных из Антиохии преп. Иоанном Задезнийским. Благословение св. Симеона Столпника (ок. 390–459 гг.), данное преп. Иоанну и его спутникам, относит их христианское миссионерство в Грузии к началу VI в. н.э. Не исключено, что речь могла идти и о подвизавшемся у Селевкии Сирийской, неподалеку от Антиохии (в монастыре Иоанна Столпника) – Симеоне Столпнике-младшем

Дивногорце (512–596 гг.) [45]. В этом случае, распространение монашества и возникновение крупнейших христианских пещерных «лавр» Кавказа в Гареджи и Мгвиме [74] относятся к середине VI в.

Видимым фактором христианизации данной территории следует считать не только существование уже христианской Армении или поддержку местных «властных структур», но и мощное присутствие на Кавказе и Побережье в это время христианской Восточно-Римской империи – Византии.

Связь с Римской империей, в том числе конфронтационная (периода «Готских войн»), является решающим фактором формирования в Северном Причерноморье «провинциально-римской культуры времен готского объединения» (черняховской) [10]. Принадлежность черняховской культуры «готам и исторически связанному с ними населению» [108, с. 194–214], уже ни у кого, кажется, не вызывает сомнений [56, с. 29–37; 57, с. 143–155]. Общепонятным и общепризнанным становится, что «черняховский феномен» связан со становлением Готского королевства – «державы Германариха» в Поднепровье («стране Ойум») [107].

Со временем римского проникновения I–III вв. на Юг Восточной Европы связано и проникновение на эту территорию многочисленных культов, свойственных римским армиям; культов, в основном – Восточно-Средиземноморского происхождения (Малая Азия, Сирия, Египет) [19, с. 5–26], к числу которых относилось и христианство. Их дивергенция и взаимовлияния в III в.н.э., на фоне их взаимной этической близости, дало перевес христианству, особенно после оглашения «Эдикта веротерпимости» Константина Великого 313 г.

Случайно находимые в ареале черняховской культуры (и на территории Крыма) перстни последнего десятилетия II–III в.н.э., с христианской символикой, и с обозначениями, маркирующими принадлежность к вероучению (рис. 2) [56, с. 29–37; 89, с. 129–132], – являются престижными предметами, что свидетельствует о существенной социальной дифференциации внутри церковной иерархии на этих территориях уже в черняховское время (III–IV вв.). На фоне небывалого, – ни до, ни после не наблюдавшегося (даже в эпоху «Крестовых походов»), – распространения «символики креста» в Восточной Европе в III–V вв. в горизонте находок «выемчатых эмалей» (рис. 3) [51], волна христианизации Восточной Европы к IV в.н.э. хорошо ощущается от Подонья до Поднепровья в предметах «выемчатых эмалей», атрибутируемых как христианские [6, с. 57–63]. Наступление христианства, оставившего материализованный след, отразилось и в изменениях в черняховской культуре (где вещи «выемчатых эмалей» почти неизвестны): Кремации и меридиональные ингумации вытесняются на некрополях черняховской культуры христианскими погребениями с западной ориентировкой [75, с. 49–60]. С начальных фаз существования черняховской культуры, ее присутствие хорошо ощутимо в Юго-Западном Крыму [3, с. 6–7; 47, с. 26–41], в среде позднескифского населения [39].

Известно о существовании готской христианской кафедры в Крыму уже в начале IV в. Известно, также, что путь к резиденции готского епископа лежал через Боспор. Епископ Готский, бывший на Первом Вселенском соборе, подписывался Феофил Боспоританский (невзирая на присутствие там же епископа Боспора – Кадма). Судя по подписи епископа Иоанна под определением Константинопольского собора 519 г., епископская кафедра существовала и в Фанагории, но она не распространяла свою компетенцию на готов-тетракситов, так как последние в это время были непосредственно связаны с Боспором. Стремление готов получить независимого от Боспора епископа, было осуществлено лишь в 548 г., когда послы готов-тетракситов, явившиеся в Константинополь с просьбой дать им епископа, «в беседе совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, изложили все, насколько Римской империи будет полезно, если соседние с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом» [10, с. 93–94]. Подоплека организации столь

крупного структурного подразделения Церкви, каковой являлась митрополия (Готская) лежит в периоде, названном «Готские войны».

Весь III в. н.э. на юге Северного Причерноморья проходит под эгидой гото-римских войн, а **христианское вероучение**, в качестве массового явления, как показывает анализ «Церковных историй» Созомена и Филосторгия, – **пришло в Крым вместе с пленниками из Каппадокии** [24, с. 276–277]. Этот вывод В.Г. Василевского, основанный на анализе письменных источников, подкреплен ныне новыми данными, выводами и находками. Тем более, что оба крупных готских похода на Каппадокию 264 г. и 275 г., были предприняты с берегов Меотиды (рис. 4), то есть через Боспор [107, рис. 52; 110, с. 326–332], а епископ Боспора Кадм вместе с епископом Херсонеса Филиппом и готским владыкой Феофилом присутствовали на Первом Вселенском соборе 325 г.

В Тавриде (Крыму) от епископа Феофила получает святое крещение Никита (†372), будущий святой и великомученик готский (рис. 5); а восприемником «Феофила Боспоританского», как величал себя этот владыка, на Готской кафедре становится Ульфила, чьи прародители (дед и бабушка) были приведены в Готию из Каппадокии (264 г.), во времена именно того «готского похода», который был совершен через Боспор, т.е. – из Крыма [107, с. 143–144]. Уместно считать, что во времена рукоположения Ульфила это была уже Крымская Готия. Имя Феофила Боспоританского связывает происхождение и Никиты, и Ульфила с территорией Крымского полуострова, в его юго-западной части, входящей во владения Неаполя Скифского, где имеются признаки готского присутствия (рис. 6) [39, Табл. 36; 47, с. 26-41; 113, S. 37, 112, 125. Abb. 2, 15–17; 125, p. 301, III. 16].

Не исключено, что с территорией Крыма связано и появление 308 готских мучеников (†372), 26 из которых известны поименно¹, и мощи которых были сохранены готской «королевой» Граафой (Грэтой), хранились готской «королевой» Аллой и дочерью Граафы Дуклидой (Лидией), вероятно, недалеко от Алушты (вершина Ай-Дуклу); и, в конце концов, были перевезены в малоазийский город Кизик (рис. 4). Об этих событиях, и пребывании данных реликвий в Крымской Готии (в пещере Йограф?), – в княжестве, дожившем до позднесредневековых времен, – сохранилось соответствующее предание [20; 34, с. 30–35; 79;]. Гонения на христиан связываются *Готским синаксарем* с именем Унгериха, в котором видят то Эрманариха (Германариха), то исторически известного преследователя готов-христиан – Атанариха (и, видимо, с большей степенью вероятности).

Все перипетии, связанные как с гибелью Никиты Готского, так и сожжением 308 готских христиан в храме, – происходили при епископстве в Готии Ульфила, который позднее увел часть христианизированного народа готов за Дунай. Это переселение по хронологии, приведенной блж. Иеронимом Стридонским, относится ко временам ок.375/378 г.; а более поздние источники, например, арианский историк Авксентий Дуросторский, предлагают более раннюю дату – 348 г., что подтверждается сведениями Кирилла Иерусалимского [52; 53]. Военные столкновения между готскими вождями Фритигерном и Атанарихом, времен императора Валента (после 369 г.), и участие в их переговорах готского епископа Ульфила,

¹ 26 мучеников готских, известных поименно, из 308: пресвитеры Вафусий и Верк с 2 сыновьями и 2 дочерьми, монах Арпила, миряне Авив (Авип), Конст, Агн, Реас, Игафракс, Иской, Сила, Сигиц, Сонирил, Суимвл, Ферм, Филл (или Филг), мученицы Анна, Алла, Лариса (Вариса), Моико (Моника), Мамика, Уирко (Вирко), Анимаиса (Анимаида). Это гонение соотносится с деятельностью Унгериха, в котором видят Эрманариха (Германариха), а с большей вероятностью – Атанариха, с именем которого связана антихристианская борьба 369–372 гг. Мощи мучеников собирала православная вдова другого готского правителя по имени Граафа (Грэта), а хранила еще одна вдова – Алла. Вдовствующая королева передала правление своему сыну Аримерию, и вместе с дочерью Дуклидой и пресвитерами поселилась «в стране Римской». Впоследствии она призвала к себе сына и возвратилась с ним в Готию, где была забита насмерть камнями вместе с неким Агафоном (по одному из синаксарей, вместе с мирянином Уеллой). Мощи мучеников были переданы Дуклиде, которая подарила их часть для освящения храма в г. Кизик, где мирно скончалась спустя несколько лет (события, ориентировочно датированные 382–392 гг., после окончательного переселения части готов епископа Ульфила за Дунай в 378 г. (и образованию Дунайской или Малой Готии) [20; 34; 78; 79].

делают предпочтительной более позднюю дату (375/378 г.) образования Малой Готии на Дунае. Именно после этой даты, их присутствие южнее Дуная стало ощутимым: готы перерезали почти 7000 жителей Фессалоник, из-за налоговой политики императора Феодосия Великого и убийства их вождя Бутериха (389 г.) [36, с. 4–17]. Образование Малой Готии на Дунае только и могло способствовать «готскому этническому наполнению» города Боспора Фракийского, цари которого удивительно дублировали своими именами царей Боспора Киммерийского (как это было с Котисом II). У этих «малых гот», и в этом Боспоре (Фракийском) обосновал Церковную кафедру, рукополагая на нее Готского владыку, святитель Иоанн Златоуст (347–407 гг.), пребывая на патриаршей престоле Константинополя (398–404 гг.).

Борьба готского христианского короля («рекса») Фритигерна против готского короля-язычника Атанариха – явление значительное [Кардини 1987; Вольфрам 2003], и посреднической роли епископа Ульфилы в переговорах Фритигерна с императором Валентом посвящено отдельное исследование, результаты которого вошли в крупную обобщающую работу [107, с. 207–254, 364–372; 109, с. 158–168]. А наличие черняховского материала в Крыму с одной стороны, и связанность с полуостровом происхождения христианских вождей готов (каковым был, например, Никита), с другой, является серьезным аргументом в пользу вхождения территории Тавриды в Готское королевство [18]. Об «исходной территории», каковым для готов был Крым, свидетельствует и произошедшее под натиском персов возвращение готов – федератов Византии, охранявших Кавказские перевалы в IV–VI вв., обратно в Крым к середине VI в. [16; 103, с. 119–120], и основание Готской митрополии (вместо епархии), включавшей епархиальные образования, разместившиеся на месте некогда обширной Готской державы [29; 104, с. 60–67]. Пребывание готов на Кавказском Побережье, отражено и нарративными источниками: это готы-тетракситы, помещаемые «*южнее Таманского полуострова*» [25, с. 261], часть которых при обратном переселении в Крым осталась на Черноморском Побережье под именем «*евдусиан, говоривших на готском и таврском языках*».

Из наиболее древних, но проблемных соответствий в погребальной обрядности Крыма раннехристианским образцам, обращают на себя внимание коллективные обособленные погребения десятков черепов, сброшенных в яму на городище Неаполя Скифского. Пока эти погребения полагают результатом массовых казней жителей Неаполя Скифского при разгроме городища боспоритами около 218 г.н.э. [84, с. 244; 111, с. 125–137]. Однако их полная идентичность с наиболее ранними кимитириями первохристиан [95], может свидетельствовать о их христианском характере. Правда, установившаяся связь населения Неаполя Скифского с населением Боспора, как в погребальной практике, так и в инвентаре, определяется авторами корреляции могильных древностей Крыма – А.А.Труфановым и В.Ю.Юрочкиным, не ранее, чем 280 – 310/320 гг.н.э. [84, с. 241–251]. Смена погребальной традиции в пределах Крымской Скифии (которую уже в эти времена можно было бы называть Крымской Готией) прослежена названными авторами только после 310–320 гг., когда в ряде могильников появляется традиция коллективных погребений в подземных склепах, пришедшая из Боспора.

Иными словами, если до 280–310 гг. на территории Крымской Скифии (Готии) могут иметь место лишь отдельные первохристианские элементы (типа ям-кимитириев с отдельно погребенными черепами на Неаполе Скифском) и ранние – вельбакрско-черняховские элементы материальной культуры [47, с. 26–41]; то после этого периода, на фоне проникновения признаков на территорию Таврики, присущих собственно черняховской культуре, наблюдается распространение стабильной раннехристианской традиции погребения в подземных склепах в Центральном (Нейзац, Перевальное, Дружное) и Юго-Западном Крыму (Озерное III, Красная Заря, Вишневое, Суворово) [84, с. 245–246]. Такое положение вещей полностью синхронизируется с деятельностью в Крымской Готии свт.

Феофила Боспоританского, - его крещение Никиты Готского и рукоположение епископа Ульфили.

Множественные явления самой поздней античности в Крыму могут иметь отношение к христианству. Так многочисленные маслодавилни и винодавилни (тарапаны), окружающие пещерные монастыри, явно связаны с необходимостью иметь незаменимые в обрядности миропомазания и евхаристии масло и вино. В одном только пещерном монастыре Качи-Кальон («Крестовый Корабль») таких тарапанов более 120. Подобный комплекс IV–V вв. при входе в естественную пещеру Кизил-Коба, с сотнями хранившихся в пещерных помещениях амфор [43, с. 152, 153], также мог быть связан с литургическими нуждами. Но наиболее рельефно характеристики ранней христианской обрядности материализованы в самих пещерных храмах.

В Крыму, среди множественных пещерных храмов [59] имеются такие, где существует единый, главный для храма архитектурно-канонический элемент, в котором функции престола и жертвенника не разграничены [21, с. 175; 35, с. 67–68, 70. Прим. 2]. Такое *литургическое устройство* расположено в храмовой пещере Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) пещерного монастыря Чилтер-Коба (рис.7, 1), ныне возобновившего свою каноническую деятельность (рис. 7,2). Ниша жертвенника с углублением в виде чаши в горизонтальной полке ее основания, впритык примыкает к престолу (рис. 8), также предназначенному для пролива вина, преосуществляемого в Кровь [96, с. 94–117]. По сути, это единый *алтарь* (престол, соединенный с жертвенником), имеющий полную аналогию в древнейшей христианской пещерной святыне на о. Патмос. В патмосской «Пещере Апокалипсиса» (рис.9), где жил между 81–96 гг. 1 в.н.э. апостол Иоанн Богослов, и было написано «Откровение» [41, с. 326–492], ниша жертвенника с чашеобразным углублением в ее основании, примыкает к «сидению Апостола», в котором высечены такие же чашеобразные углубления, соединенные желобами для пролива вина (рис. 10) [137]. Это *литургическое устройство* до сего дня служит престолом с возлагаемым на него Антиминсом (рис.11). К Патмосской пещере уже при жизни свт. Ириней Лионского (130-202 гг.), бывшего учеником ученика Иоанна Богослова (свт. Поликарпа Смирнского, †155 г.), – относились как храму [85, с. 62–83; 2, с. 549–551].

Аналогичный камень-престол с *системой для пролива жидкости*, обнаружен в храмовой пещере-цистерне (рис. 12,1,2) Saba Cave, исследованной под Иерусалимом С. Гибсоном [116]. Она использовалась, как считает исследователь, в качестве первохристианского баптистерия в ранневизантийское время IV–VI вв. Поскольку чин крещения в первохристианскую эпоху был теснейшим образом связан непосредственно с евхаристией [55, с. 163–176], есть все основания относить это подземное сооружение к храмовым [99, с. 152–155, рис. 4], предназначенным для служения литургии. Судя по наличию обособленной купели, высеченной из монолитного каменного блока (рис. 12,2:2), никак не связанный с этой купелью массивный камень, вделанный в кладку лестничных ступеней, и выступающий из нее (рис. 12,2:1), является престолом. Крестчато-квадратное углубление на его поверхности, соединено проточным желобом с углублением в виде выполированной человеческой ступни – «*следом Иоанна Предтечи*» (рис. 13). **Литургическая** необходимость протекания жидкости (вина) по поверхности камня-престола, могла быть связана исключительно с «*реликварными характеристиками*» упомянутого следа-углубления («*столы Иоанна Предтечи*») в процессе преосуществления жидкости в Кровь. Связь камня-престола со **ступенями**, выполнявшими еще и функции **синтрона**, только подтверждает его престольный характер.

В Русской миссии в Иерусалиме (монастырь св.равноап.Марии Магдалины) издавна почитается «антик» (древний объект), получивший имя «Голгофского камня», видимо, некогда исполнявший функции древнейшего престола: на его верхней «куполообразной»

поверхности высечено чашеобразное углубление, и, продолжающий это углубление, проливной желоб (рис. 14).

Подобные престолы *«проливного типа»*, предназначенные для пролива вина в процессе преосуществления в Кровь Спасителя, со временем уступили место престолам, которые Церковное Предание связывает с именами равноапостольных императора Константина и августы Елены 325–337 гг. (хотя не исключено их более позднее появление при Констанции II). В некоторых наиболее древних престолах Иерусалима ранневизантийского времени, в плите *мензы*, служившей поверхностью престола наличествуют два отверстия: одно в виде чашеобразного углубления, второе – сквозное (рис. 15,1). Такое литургическое устройство предполагало, в процессе преосуществления Святых Даров, не только пребывание вина в «стационарном потире» чашеобразного углубления, и его проливание по желобам на поверхности престола в чашеобразное углубление (рис. 15,2). Наличие второго – сквозного отверстия в престольной плите еще и давало возможность некоего «пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело, посредством пропускания Его через сквозное отверстие в плите-мензе древнейших престолов [103, с. 94–117]. К такому ритуальному, постоянно тиражировавшемуся в священном обряде, действу вполне может восходить весь класс явлений, получивших в этнографии наименование *«пронимальной символики»* [106, с. 149–190].

Уже во времена Крестовых походов представления о литургическом характере этих древнейших престолов были утрачены, в результате чего, слагается легенда о *«колодках Христа»* (где абсолютно не объясняется «чашеобразность» второго отверстия, в отличие от сквозного – первого – также «колодкой» не являвшегося). Но в результате сложения легенды, как своеобразного (и неверного) «объяснения», упомянутый придел в Иерусалиме получает свое наименование *«Темница Христова»*. Аналогично слагается и легенда об «отверстиях», куда «вставляли кресты для распятия», в том числе – Честной Крест Христов (придел «Голгофа»). Очень вероятно, что исключение упомянутых престолов из литургической практики еще до времен высокого средневековья связано с их использованием (а может даже установкой) в эпоху «арианских симпатий» императоров Византии (при Констанции II).

Престолы в пещерных храмах: Патмоса (Эгеида) II–III вв., Чилтер-Кобы (Крым) III–IV вв. и Saba Cave (Иерусалим) IV–VI вв., предназначенные для пролива по их поверхности преосуществляемой в процессе литургии жидкости (вина), являются, пожалуй, наиболее ранними из всех ныне известных. Они созданы до появления престольных плит со сквозным отверстием. И престол подобного типа (престол + жертвенник), возведенный первохристианами из «каппадокийских пленных», приведенных готами в Крым, не единичен в Таврике. Рядом с пещерами Чилтер-Кобы, в балке Хор-Хор (*«Горемычная»*)², под навесом скалы *«Серый Лоб»*, рядом с купелью – баптистерием (рис. 16, I) обнаружены камни с системой высеченных углублений и желобов, предназначенных для пролива жидкости (рис. 16, II, III) [103, с. 94–117]. Не исключено, что описанный таким же образом в конце XIX столетия камень *«с системой углублений и желобов для пролива»*, обнаруженный в районе размещения *«Армянского храма Бахчисарая»* [42, с. 18–25], являлся таким же древним *«престолом проливного типа»*.

Единые литургические устройства (престол + жертвенник), в наиболее изобилующей христианскими пещерными памятниками Каппадокии, тоже выполнялись различно по своей стереометрии. Так в одном из приделов пещерного храма св. Варвары в Гёреми (рис. 17) престол выполнен с приступочкой слева (где долженствовал бы размещаться жертвенник); с приступкой, которая могла бы служить прообразом «кафедры» («сидения») – своеобразным

² Название каньона Хор-Хор («Горемычная») наводит на размышление о некогда развернувшейся здесь трагедии: не связано ли местоположение этого – одного из древнейших христианских храмов Крымской Готии с перипетиями гибели 308 готских мучеников около 372 г.?

прототипом синтрона; но никаких признаков обособленного жертвенника здесь нет. Еще один придел того же храма имеет аналогичный древний престол «с уступом», примыкающий к апсиде алтаря (рис. 18), но в левой стороне апсиды уже высечена ниша, которая может соответствовать жертвеннику.

Подобные престолы, примыкавшие к внутренней стене храмового пространства, существуют по всей территории распространения первохристианства. Их сохранили исключительно пещерные храмы (ибо наземные постоянно перестраивались), – либо заброшенные, либо не переоборудованные в соответствии со вновь появившимися требованиями чина литургии святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста (служба **вокруг престола**). В храмах с примыкающим к стене престолом древнего типа продолжалась служба (**перед престолом**) по древним чинам литургии [78; 79; 80; 81]: по Иерусалимскому – ап. Иакова Старшего, или Александрийскому – ап. Марка. Кроме уже упомянутых, таков один из престолов в Езкинаке в Малоазийской Каппадокии (рис.19), и престолы в южном приделе пещерного храма св. Варвары (рис.20,1) и малом пещерном храме (№ 6) в Гёреми (рис. 20,2).

По аналогии с древними престолами со сквозным отверстием, с колонками и «сенью» над мензой, и высеченным в ней чашеобразным углублением, устроен престол в миниатюрном подземном храме Рождества Богородицы под домом праведных Иоакима и Анны в Иерусалиме (рис. 21) [72, с. 31, 32.]. Аналогична структура престола в пределе Голгофа (рис. 22,1) в Воскресенском храме Гроба Господня (Анастасисе), перед которым служба продолжается и сейчас (рис. 22,2), но по древним чинам ее проведения.

Пространственная организация древнейшей в Крыму христианской подземной церкви Чилтер-Коба, – Ай-Тодорского пещерного храма сближается с таковой в целом ряде памятников. А его стереометрические параметры схожи с объемом древней водосборной цистерны. Судя по обработке стен Чилтер-Кобы, она являлась вполне рукотворной пещерой (орудийная обработка наблюдается абсолютно на всех поверхностях пещерного храма), может быть, и заложеной по небольшой карстовой полости. По планиметрии пещерная церковь Чилтер-Кобы схожа с храмовым объемом пещерной церкви Мега Спилеон на Греческом Пелопоннесе, основанной свв. Прокопием, Феодором и их сестрой Екатериной около 362 г. н.э. [97, с. 80–83]; схож храм Чилтер-Кобы и с упомянутым храмом Saba Cave под Иерусалимом, устроенным в водосборной цистерне. Но в одном из древних пещерных храмов Мега Спилеона (362 г.), также сходном по пространственной композиции с внутренним объемом римских цистерн, рядом с возвышением престола в полукружие апсиды, над купелью расположено возвышение (рис. 23), которое следует рассматривать в качестве жертвенника. Обособление жертвенника – это следующий этап развития пространства алтаря в христианском храме.

Многие пещерные храмы, в том числе – в Каппадокии, имеют «развитое алтарное пространство, без притвора» [13, с. 61–73; 14, с. 79–84; 15, с. 51–57, 69, Табл. V:18], стереометрия которых, по моим представлениям, наследует стереометрию первохристианских храмов, функционировавших в древних (раннежелезного века и римских) водосборных цистернах. Таков древнейший подземный храм на Главной улице Херсонеса (рис. 24, I), прекративший свое существование, судя по материалам засыпки, не позднее VI в. (рис. 24, II).

Георги Атанасов, разбирая вопрос о происхождении пещерных (и наземных) храмов «с развитым алтарным пространством, без притвора», подобрал аналогии раннесредневековым храмам VII–X вв. (Гюз-Дере в Каппадокии – Мурфатлар в Румынии) с престолом уже размещенным по центру алтарного пространства (для службы **вокруг престола**). Но имеются храмы «с развитым алтарным пространством, без притвора», с престолом древнего типа, примыкающим к алтарной стене (для службы **перед престолом**), используемые до решений Трулльского собора 692 г. Алтарь в пещерном храме № 1 в

Кеслик Келези (рис. 25), как и в храме № 5 в Гёреми (рис. 26), отделен от наоса *космитом* – предалтарной преградой; престолы примыкают к стене; жертвенник подземного храма в Кеслике вынесен в наос, как было принято в древних христианских храмах [60, с. 208], как и в Геремской церкви № 9 (рис. 27), а в Гёремской пещерной церкви № 5 жертвенник размещен прямо на предалтарной преграде (рис. 26), почти как в храме «Донаторов» (рис. 28,1) в Крымском Эски-Кермене, где ниша жертвенника помещена рядом с предалтарной преградой, и доступна из наоса. Доступность жертвенника из наоса – основа пространственной композиции архитектурно-канонических элементов и в некоторых других пещерных храмах Крыма, как, например, в храме № 4 в монастыре Чилтер-Мрамора (рис. 28,2).

Это не единичные случаи, а проявление достаточно массовой литургической практики, но не географической – «малоазиатской» («каппадокийской»), поскольку подобным образом сформировано околопрестольное пространство в раннесредневековых храмах Таврики, Египта, Италии (местечко Моттолла близ г.Бари; Паоло в Сицилии), Подонья и Поднепровья [90, с. 151–206; 94, с. 371–375] и Ближнего Востока [92, с. 162–169]. Таковы *каноны* первохристианской литургической практики, имеющей хронологические рамки, обусловленные ранней фазой развития и нуждами литургии первохристианских времен, когда служили *перед престолом* (до обязательного введения службы *вокруг престола* на праздник Благовещения Трулльским собором в 692 г.). Несмотря на общность процесса развития литургии, протекавшего во всем христианском мире, «каппадокийский след» все-таки ощущается в свете приведенных аналогий раннесредневековым пещерным храмам Таврики. Жертвенник, ставший обособленным архитектурно-каноническим объектом в храмах этого хронологического периода и в Каппадокии, и в Тавриде, не мог не повлиять на выделение и обособление самого алтарного пространства.

Повлияло на композицию алтарного пространства и выделение диаконника как обособленной архитектурно-планировочной реалии. Именно таков алтарь храма «Донаторов» (рис. 29,1) с престолом (рис. 29,1:1), в котором высечено чашеобразное углубление «стационарного потира» (рис. 29,2); с доступной из наоса нишей жертвенника (рис. 29,1:2). У предалтарной преграды справа размещается еще один уступ, который следует считать диаконником (рис. 29,1:3), что перекликается с наличием диаконника в пещерном храме Саввы Освященного во время обретения самого храма в 473 г. [35, с. 50–51]. Форма и облик таких престолов восходят к форме позднеантичного алтаря-жертвенника, каковые еще в 79 г. I в. н.э. функционировали на виллах Геркуланума и Помпей (рис. 30,1). Не утверждаю, что подобные алтари-жертвенники (рис. 30,II,III) были христианскими; речь идет, скорее, о преемственности внешних форм³ [105], хотя отголоски небывало страшной катастрофы, очень похожей на произошедшую у Неаполитанского залива, в 79 г.н.э., очень уж явно присутствуют в «Апокалипсисе» Иоанна Богослова.

Схоже с престолом храма «Донаторов» Эски-Кермена оборудовано литургическое устройство (рис. 31) в «Крипте пап» (рис. 32) в катакомбах св. Каллиста в Риме, до появления в нем мраморной доски (и погребения) папы Дамаса. После папы Дамаса, к VI в. «Папская крипта» обрела тот же литургический облик (рис. 33), что и «базилика катакомб св. Коммодиллы» в Риме первой половины VI в. (рис. 34), с престолом на гробнице святителя. «Новый престол» (у мраморной плиты с надписью папы Дамаса) в «Папской крипте» (рис. 33), имеет ту же форму, что престол в пещерном храме Благовещения в палестинском Назарете, времен первых Крестовых походов (рис. 35,1), по образцу которого, как видно,

³ Аналогичные позднеантичные алтари с ликами Зевса и Горгоны (рис. 30, II, III) I в.н.э. имеются и в экспозиции Государственного Эрмитажа.

поставлен престол и в храме Приумножения хлебов в Табхе⁴ (рис. 35,2). Такие литургические устройства не входят в ряд древнейших (ранневизантийских) литургических устройств эпохи Единой Церкви.

Древний престол, примыкающий к внутренней стене алтаря (для службы **перед престолом**), имеется в центральном пещерном храме Эски-Кермена (рис. 36,1), получившем наименование «Судилище» [88, с. 30–35]. В главном (центральном) приделе этого храма, по моему мнению, примыкающий к стене апсиды престол был переоборудован (с чем связан и вывал истончившейся каменной перемычки) в «кафедру» – «владычное кресло», к которому примыкают скамьи синтрона (рис. 36,1,2). Объемные характеристики «кафедры», получившейся в результате переоборудования престола, свидетельствуют о реальности такой переделки (рис. 36,2). Квадратная выемка в полу, напротив «владычного кресла» (рис. 36,2), по центру пространства апсиды (алтаря), соответствует основанию установлению нового литургического устройства [32, с. 76–85] для службы **вокруг престола**, что соотносится с господствовавшим с V в. в столице Византии – чина литургии, составленным свт. Василием Великим, и «отредактированным» и дополненным свт. Иоанном Златоустом. В общинах, связанных с Константинопольским патриархатом, чин службы свт. Василия Великого (**вокруг престола**) распространяется уже с V в. н.э. (рис. 37), со времен укрепления посмертного авторитета всех трех, совместно поминаемых, святителей (Иоанна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова). Поэтому переоборудование центрального алтаря в крупнейшем подземном храме Эски-Кермена вряд ли отстоит хронологически далеко от времени его постройки.

Престол южного придела храма «Судилище» (рис. 36,1, 38,1-2), оставлен в первозданном виде, и ему уже были приведены аналогии среди христианских древностей Египта, не выходящие за пределы первых четырех десятилетий VII в. [99, с. 458–462]. В поверхности престола высечено углубление стационарного потира, в плане напоминающее крест, что имеет аналогии и на иных камнях-престолах, например, у входа в один из пещерных храмов Поднестровья (рис. 39). Не исключено, что храмы Эски-Кермена устраивались, в связи со строительством в VI в. Дори, – столицы Крымской Готии, о чем упомянул Прокопий Кессарийский [18; 88, с. 120–123], и что синхронно возобновлению Готской епархии во времена Юстиниана в VI веке. Упомянутое посольство готов-тетракситов к Юстиниану (548 г.) с ходатайством о предоставлении самостоятельной Готской архиерейской кафедры, синхронизируется также, с предложенным И.А. Бажаном возвращением готов-федератов с Кавказа, под напором персов. Это соответствует финалу христианской цебельдинской археологической культуры в Абхазии (рис. 40), и началу погребений на многочисленных могильниках Крыма типа Суук-Су, с середины VI в. [103, с. 118–119], – могильников, традиционно и давно, рассматриваемых как готские [69, с. 107–152]. К могильникам этого типа относятся и склепы некрополя Эски-Кермена, а В.И. Равдоникасом была подмечена связь могильников типа Суук-Су с «пещерными городами» Крыма (рис. 41) [67, с. 7–29].

Но это следующий этап в распространении христианства на юге Восточной Европы в целом, и в Крыму, в частности. В Таврике он соответствует попытке Византии укрепить свою власть над вернувшимися с Кавказа готами в их крымском княжестве; и строительству готской столицы – Дори в VI веке. До этого, в IV–V вв., политеистические верования в Крыму несколько укрепились: язычники-херсонеситы изгнали из города христианского владыку – епископа Херсонского Василия, присланного, в Херсонес при императоре Диоклетиане (300–303 гг.) [54, с. 13–19; 78, с. 8; 79, с. 16–18]. Изгнанный херсонесситами Василий в 310 г. н.э., удалившись за пределы города, отыскал себе **пещеру** и жил в ней, как немногим позднее,

⁴ Престол в Табхе («храм Приумножения хлебов») средневизантийского периода поставлен над древним камнем-престолом с подквадратным углублением «стационарного потира» на его поверхности, и сохранившимся небольшим участком пробитого желоба для стока жидкости (рис. 34,2).

также мученически погибший (†337 г.) епископ Капитон (оба были рукоположены в Херсонес Германом, патриархом Иерусалимским) [54, с. 51, 68; 78, с. 8, 45–46; 79, с. 16–18, 22–23].

Возможным основанием такого «ренессанса политеизма» оказалось гуннское владычество в Северном Причерноморье, когда Боспор оказался «гуннским городом». С начала VI в. – с обращения боспорского гуннского князя Горда (Грода) и проповеди епископа Кардоста у савиров [10, с. 92–94; 103, с. 118–122], христианство вновь набирает силу: один из крупнейших аристократов Тюркютского каганата Органа-Мохэду, и его племянник – вождь Великой Болгарии Кубрат оказываются крещеными государями, удостоенными в Империи сана патрикия. Эта волна христианизации продолжается до разгрома Великой Болгарии Кубрата хазарами, когда орда сына Кубрата Аспаруха оказывается вытесненной на Дунай (680 г.), а «*епископ Херсона Дорантского Георгий*», подписавший решения Трулльского собора в 692 г., вынуждено сидит в Херсонесе, а не в столице Готии - Дори, где полностью властвуют хазары [10, с. 253].

По предположению Н.И. Репникова, столица Крымской Готии – Дорос (Дори) первоначально (в ранневизантийское время VI–VIII вв.) располагалась не на Мангупе (где располагался позднейший центр готского княжества Феодоро), а в Эски-Кермене [69]. Сохранившийся с тех времен вид престола в южном приделе (рис. 38,3) пещерного храма «Судилище» в Эски-Кермене, очень близкий ранневизантийскому престолу в египетском пещерном храме в Вади Загра (рис. 42), литургически аналогичен престолам Иерусалимских храмов (рис. 43,1,2), возобновленных, согласно Церковного Предания, архимандритом Модестом после персидского погрома в городе 614 года. Профилировка основания престола (его «ножки»), как и приступочек, лучше сохранившийся справа в южном приделе «Судилища» (рис. 38,2), несколько напоминающий остатки синтрона, очень схож с приступками, но с иной, – левой стороны, при престолах древнего типа в упомянутых выше пределах храма Барбары Гёремской в Каппадокии (Рис.17, 18), – все это имеет свой прообраз. На «Джебелъ Кварентал» («Сорокадневной Горе», или «Горе Испытаний») близ Иерихона, расположен ранневизантийский монастырь (рис. 44,1), основанный в IV в. [50, с. 137–142], в том месте, которое согласно Священного Предания, соответствует месту «*испытания Христа в пустыне*», во время Его сорокадневного поста. Это небольшая пещерка с выступающим в ее объем «*Камнем Сидения*» (рис. 44,2), обращенным в престол древнего типа (углубления и желобки стоков имеются и на поверхностях этого камня-престола).

Некоторые детали, схожие с «Камнем Сидения» (профилировка «ножки» престола, – его основания), имеются в престоле пещерного храма во имя «Невинно убиенных Младенцев» (рис. 45) в подземном монастыре Рождества Христова в Вифлееме. В этом пещерном храме наличествует еще и общий кимитирий черепов (рис. 46), выдаваемый обычно за «мощи невинно убиенных Иродом Младенцев»; на деле – документирующий наличие пещерного монастыря IV–VI вв. (с общим монашеским кимитирием), в котором, не исключено, подвизался блж. Иероним Стридонский [62, с. 126–127]. Престол пещерного храма Младенцев в Вифлееме состоит из «каменного столика» с профилированным основанием («ножкой»), примыкающим к стене, и являющегося выступом стены (рис. 45:1); а его плоскость переходит в горизонтальную плоскость ниши, являющуюся продолжением поверхности каменного престольного выступа. Характерно, что высеченные углубления и желобки для пролива имеются не только в горизонтальной плоскости ниши-престола; чашеобразное углубление сделано в горизонтальном основании ниши-жертвенника, расположенной справа от престольной ниши и впритык к ней (рис. 45:2), как в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе (см.рис.9; 10) и в Чилтер-Кобинском пещерном храме (рис. 8) в Крыму.

Престол-выступ в виде «ножки» (рис. 47, 1), и углубленной в стену апсиды ниши, устроен в храме «Успения» в крымском Эски-Кермене: у основания престольного выступа высечена

чаша, с возвышающимся над уровнем алтаря, бортами (рис. 47,2). Каменная «при престольная чаша» в храме «Успения» в Таврике очень схожа с аналогичным «литургическим устройством» под престолом Голгофы (рис. 22) в храме Гроба Господня в Иерусалиме. Ниша в апсиде храма «Успения» хоть и включает паз (рис. 47,3), предназначенный для вставки массивной плиты мензы (на «ножку» престольного выступа), но имеет и самостоятельное значение, как продолжение выступа-престола. В целом, планиметрия храма «Успения» свидетельствует, что это храм-баптистерий, предназначенный равно для свершения литургии и для крещения; имеющий значительное углубление-водоём прямо перед престолом (рис. 47,4). Такие храмы относятся к самой ранней поре христианства, как храм-баптистерий Иоанна Предтечи под Иерусалимом (рис. 12).

Престолы в виде ниши, часто возводились и без выступа-престола (как это устроено в Вифлееме, или в храме «Успения» в Эски-Кермене), поскольку форма престола в виде ниши восходит к основному прототипу всех алтарей христианских храмов: нише-аркосолию, в которой было некогда положено Тело Христа (рис. 48). Такова же и «лавица» в едва намеченной нише-аркосолии, где в пещере Иерусалимской Гефсимании, было положено Тело Богородицы (рис. 49). Если «лавица» в храме Гроба Господня была обнаружена августой Еленой только в 325 г. (после чего только и могла служить прототипом храмового жертвенника-престола), то о «лавице» Богородицы в Гефсимании хорошо знали и во II в.н.э. [97, с. 162–169]. Она и служила прототипом литургических устройств самых ранних христианских храмов, возникших до 325 г., как престол-жертвенник в «Пещере Апокалипсиса» на о.Патмос, или в пещерном храме Чилтер-Кобы в Крыму.

Ниши-престолы устроены также в предназначенных для службы, кубикалах катакомб [65, 28–29], например, в «кубикуле Льва» IV в. (рис. 50) в катакомбах св. Коммодиллы в Риме, или в монастыре св. Иеремии VI в. в Саккара (рис. 51) в Египте. Подобные ниши-престолы имеют место и среди храмов рассматриваемой территории. В Крыму именно так устроен престол в храме Евграфия (рис. 52,1), в Армянском храме (рис. 52,2) в храме у Монастырской скалы (рис. 52,3) в Инкермане, и в некоторых других ранневизантийских пещерных церквях Крыма. Наиболее интересен подобный престол-ниша в храме «Трёх всадников» в Эски-Кермене (рис. 53). Полочка жертвенника устроена в этом храме на перемычке останца (рис. 54), а необычная стереометрия самого храма (рис. 55) может иметь поливариантные решения. Одно из них⁵ – о постройке данного храма в качестве мартырии, вполне корреспондирует с аналогией его литургических устройств с пещерным храмом Младенцев в Вифлееме, определенно построенном как мартырий. Не исключено, однако, что особенности объема храма «Трёх всадников» в Крыму продиктованы еще и возможностями скального останца, в котором он высечен (рис. 56).

В виде полки в нише устроены престолы и в ряде иных храмов первохристиан Юга Восточной Европы. Среди пещерных монастырей Подонья [6, с. 136–152; 8, с. 40–45; 9, с. 57–63; 76, с. 18–197], где имеются престолы древнего типа (Костомарово, Шмарное, Малые Дивы, Белогорье) [98, с. 196–201], в Белогорском пещерном монастыре (рис. 57,1) ниша-престол устроена в храме, получившем название «Цветной комнаты» [94, с. 371–375]. В обрамлении украшенных розетками над нишами-аркосолиями северной и южной стен (рис. 57,2), алтарная стена «Цветной комнаты» (рис. 58) выглядит более упрощенно (что не особенно заметно после «подправки» ее художественных особенностей туристами «советских», «перестроечных» и «постперестроечных» времен). Чашеобразное углубление

⁵ Одно из возможных объяснений необычному пространственному решению храма «Трёх всадников» дано в работе Н.Е. Гайдукова [31]. Литургические устройства храма Младенцев в Вифлееме действительно представляют аналогию таковым в храме «Трёх всадников». Но стереометрия пещерного храма в Вифлееме, ничего общего с данным Крымским храмом не имеет, она строго трехчастна: по продольной оси пещерный храм Младенцев в Вифлееме разделен на притвор, наос, и алтарь.

в горизонтальном основании ниши-престола (рис. 58,1, 59,1), выполнено сходно с такими же углублениями, устроенными на полке, соответствующей жертвеннику (рис. 58:2). В оформлении алтарной стены использованы многолепестковые розетки того же типа, что небольшие розетки на северной и южной стенах. Они расположены над полочками жертвенника и «дьяконника», и такие же – размещаются в тыльном «зеркале» ниши-престола, обрамляя все еще различимый крест (рис. 58). Нижнее поле «зеркала» ниши-престола украшено зигзагообразной линией (из двух знаков?), иными «знакообразными» композициями (неразборчивыми в результате активности «советских» и «постсоветских» туристов), в том числе (справа) – петлями волютов (рис. 59), аналогии которым, можно отметить на алтарной стене в храме Зверинецких пещер Киева (рис. 60).

В виде скомбинированных вместе выступа и ниши, полочка которой (основание) продолжало поверхность мензы выступа-престола, построено это литургическое устройство в единственном - маленьком храме Зверинецкого пещерного монастыря в Киеве (рис. 61). Оно аналогично такому же престолу в крымском пещерном храме «Успения» в Эски-Кермене (рис. 47) и в храме Младенцев палестинского пещерного монастыря в Вифлееме (рис. 45).

В виде ниши оборудован один из престолов в храме Китаевского пещерного монастыря (рис. 62) на Среднем Днепре; а также – в Загнитковском (рис. 63,1), Стенковском и Малевском пещерных скитах в Буго-Днестровском регионе [101, с. 67–75; 103, с. 118–122; 104, с. 60–67].

Буго-Днестровский регион располагает памятниками, связь которых с ранним христианством достаточно выражена. Александр Попа в 1999 г. предположил, что раскопанная Э.А. Рикманом [71] постройка из камня и плинфы под черепичной крышей, с застекленными окнами и с колонным порталом в Сомбарс на Среднем Днепре являлась христианским храмом позднеримского времени (IV в.), на основании чего, с резиденцией готского христианского митрополита в это время связывают даже территории Среднего Поднестровья [107, с. 196–203]. Видимо, в этом случае более правомерно видеть в таких находках епископские резиденции [103, с. 118–122] Готской митрополии, с известным со времен Н.И.Репникова [69; 70], центром – крымской Дори (Доросом).

Пещерное помещение и храм у с. Стенка (Монастырского района Тернопольской обл.) высечен в известняках левого берега Днестра путем подработки естественного, карстового грота. В своде жилого грота пробито широкое – 1,5 м. вертикальное отверстие вверх, где над первой небольшой камерой, высечена в скале другая, - трапециевидная в плане 8 x 9 м, высотой 4 м. По центру восточной стены верхнего помещения высечен дополнительный кубический объем, углубленный в скалу еще на 3 м [135, рис. 3]. Здесь, как полагает исследователь этих подземных полостей В.С. Артюх, располагался алтарь храма [11, с. 6–8]. Рядом с «трехметровым помещением» в стене вырублена еще одна ниша, которую можно интерпретировать, как древнее литургическое устройство (жертвенник), вынесенное к пределам алтаря, в наос, как в древнейших христианских храмах [60, с. 208]. Многочисленные лапидарные знаки (в виде петель – как в Зверинецком и Белогорском храмах, перевернутого латинского «F» и свастики, как в других пещерных храмах: у с. Межигорье Тернопольской обл., в молдавских Бутученах, и др.), обнаружены на стенах храмового помещения у с. Стенка, где имеется также изображение креста, типа «мальтийского» - с расширяющимися ветвями, и «изображение бегущего зверя» [82, с. 269, рис. 1; 88].

Двухъярусное пещерное сооружение (рис. 63,1,2) той же структуры, что и двухъярусный храм с келией у с. Стенка, расположено возле с. Загнитков Кодымского района на севере Одесской области, на правом берегу р. Майстринцы (левый приток, впадающий в р. Днестр возле с. Рашков, где располагается «куст» хорошо известных черняховских и раннеславянских памятников IV–VI вв.). Верхняя камера Загнитковского пещерного скита

соединена с нижней вертикальным «люком», и имеет еще и отдельный широкий выход (ориентированный на юг) в небольшой овражек [134, с. 141, рис.1]. В западной стене верхнего грота вырублена «ниша-лежанка», а в восточной – полуциркулярная в плане апсида, по центру которой расположено литургическое устройство – ниша, напоминающая древнейшие типы храмовых престолов.

Аналогичный двухъярусный пещерный скит расположен в верховьях р. Ущицы (правый приток Днестра) у с. Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области (рис. 64). В алтаре - углубленной и несколько скругленной в плане стены, в виде апсиды, – вырублена ниша, нижняя часть которой образует поверхность престола (рис. 65:1) древнего типа. Справа возле алтарной апсиды видны остатки ниши с плоским «зеркалом» (тыльной стеной), и плоским горизонтальным дном, служившей жертвенником (рис. 65:2), вынесенным к наосу.

В пещерном храме у Малеевцев, в пространственно обособленной апсиде алтаря, в основании ниши-престола, с подчеркнута – выделенной плитой мензы (рис. 65:1), высечены чашеобразные углубления и желобок стока. Небольшая ниша жертвенника (рис. 65:2), устроенная на границе алтарного пространства, и доступная из наоса, размещена так, как это обустроено в храме «Донаторов» Эски-Кермена в Крыму (рис. 28,1, 29); в храме № 5 в Гёреми, в Каппадокии (рис. 26); и в древнейшем подземном храме Успенского пещерного монастыря Мега Спилеон в Греции, основанного в 362 г. (рис. 23).

В виде ниши вырублен престол под скальным навесом в скале «Черный камень» у с. Пидкамень на Брацлавщине (рис. 66,1), в двенадцати км от Почаевской лавры. Только древний тип престола (рис. 66,1а) у входов в подземные комплексы (рис. 66,1b), свидетельствует о его создании до 692 г., а его пещерные лабиринты, еще ожидают исследования. Не исключена и раннесредневековая древность монастыря Рождества Богородицы у Самбора, возникшего именно, как пещерный монастырь (рис. 67,1), где находятся мощи св. Валентина (рис. 67,2). Пещерные комплексы Самбора (рис. 67,3) имеют «трапезную», выполненную точно так же, как «трапезные» помещения пещерных монастырей Каппадокии, устроенные до VII в., но не имеющую ничего общего с «трапезной» Ближних пещер Киево-Печерского монастыря, которая появилась в XI в., при Антонии Печерском.

Было высказано предположение о возникновении отдельных пещерных святынь Буго-Днестровского региона в черняховское (позднеримское) время III–IV вв., и констатировано их функционирование в раннеславянское время VI–VIII вв., и позднее [104, с. 67–75]. Как объект паломничества они сохраняли свой статус во времена становления и функционирования восточнославянской государственности в высоком Средневековье (Киевская Русь), их продолжении почитать и в позднем Средневековье. К древним памятникам раннеславянского горизонта относится пещерный монастырь у с. Страдч Яворовского района Львовской области [40], с длинной привходной галереей (40 м), частично вырубленный (ок. 270 м) в скальных породах высокого правого берега р.Верещицы, частично занимающий естественные полости. В пещерах расположено несколько монашеских келий с выступами-лежанками, подземная церковь древнерусского времени («прямоугольный зал»), небольшой пещерный храм («круглый зал») с престолом-выступом древнего типа (рис. 68), и примыкающими сопрестолиями. Городище над пещерами было заброшено к XIV в., а в XVII в. монастырь был возобновлен, как Греко-Католический (униатский). Престол древнего типа не мог быть образован после 692 г.

Неподалеку от местечка Сатанов над Збручем (притоком Днестра), на склоне Слепого оврага (заповедник «Медоборы») у с. Крутилов, в окружении раннеславянских памятников, в Троицком пещерном скиту (рис. 69,1), наряду с престолами-выступами древнего типа, сохранились «сопрестолия» (рис. 69,2.1). Они аналогичны первохристианским, существовавшим до VII в. в Египте (рис. 70), и происходят от подобного элемента в храмах

(«монастерионах») эссенов (есеев) [99, с. 458–462]. Престол, некогда бывший в этом храме [135, рис. 6] напоминает примыкающий с алтарной стене престол храма «Успения» в Крымском Эски-Кермене (рис. 47,1), и видимо, еще в древности он был поврежден: через нишу для иконы в Горнем месте над престолом прошла значительная трещина, повредившая «ножку» престола-выступа. Часть «ножки» престола-выступа сохранена здесь же и на стене виден отчетливый след ее примыкания. Рядом с этим поврежденным литургическим устройством в стене высечена еще одна ниша для Горнего места, а под ним углубление-ниша с нижней полкой также с углублением «стационарного потира», а под ней расположено еще одно углубление-ниша с высеченной на горизонтальной полке более крупной выемкой чаши (рис. 69,2.2), схожей с той, что расположена под престолом Голгофы в Иерусалимском Анастасисе (рис. 22) и в храме «Успения» (рис. 47,2) в Эски-Кермене. Не исключено, что в Сатанове, обе описанных ниши, похожие на Горнее место, со всеми архитектурными деталями – это единое литургическое устройство, а не новое, пришедшее на смену первому (слева), поврежденному трещиной. Тогда это единое литургическое устройство (престол + жертвенник), аналогичное имеющимся в древнейших храмах («Пещеры Апокалипсиса» на Патмосе и «Невинно убиенных Младенцев» в Вифлееме). Служба у подобных престолов с совершенно неординарными «сопрестолиями» (не предназначенными для сидения, а существующими для коленопреклонения перед ними в позе молитвы) по сей день проводится по древнему «чину апостола Иакова Старшего, брата Господня» (рис. 69,3.1).

Престол в помещении следующего малого храма [135, рис. 7] пещерного скита в Сатанове составлен из двух подтесанных плит, уложенных на выступ алтарной стены, и тщательно к этой же стене подогнанных (рис. 69,3.2). В горизонтальной полке ниши в алтарной стене высечены два почти квадратных углубления: от углубления слева, возможно являющегося прообразом жертвенника, к краю престольного камня пробит сливной желоб. Углубление справа – объемнее, выполнено как подквадратная чаша со скругленными углами, высеченная в нижней полке углубленной в стену ниши, и примыкающая к вставной плите. Очевидно, что это также «единое литургическое устройство» (престол+жертвенник), сходное с таким же в «Пещере Апокалипсиса» на Патмосе (рис. 9, 10) и в «Храме Младенцев» в Вифлееме (рис. 45).

Рядом с Троицким пещерным скитом в Сатанове расположена гора Богит – раннесредневековый славянский хутор VII–VIII вв., и возникшее на том же месте небольшое укрепленное древнерусское городище, которое отдельные исследователи связывают с политеистическим религиозным центром [136, с. 32–35, рис.20], по находке неподалеку знаменитого Збручского идола Свентовита (Святовита).

К раннесредневековым (ранневизантийским) временам необходимо отнести и пещерный монастырь Рождества Богородицы, в ур. Церковщина (Гнилец), на Среднем Днепре (Киев). Келии-затворы в этих пещерах выполнены так, как в ранневизантийской лавре Саввы Освященного (Палестина), и в раннесредневековом – на Руси – Зверинецком монастыре. В одной из камер-«затворов» Гнильца расположена «костница» – «кимитирий мироточивых голов» (рис. 71), свойственный ранневизантийским памятникам. Кроме того, один из храмов этого пещерного комплекса имел примыкающий к внутренней стене алтаря древний престол-выступ [22, с. 25–26. Прим.3]. Рождественско-Богородичный (Церковщина-Гнилец) и Зверинецкий пещерные монастыри, обычно относят к древнерусскому времени, связывая первый с «загородней пещерой» преп.Феодосия Печерского [23, с. 54–58, 151–153, рис. 33–35]. Но подземные храмы этих пещер имеют древние типы престолов, возведенных до VII в., а микрорегион в котором расположен пещерный комплекс Гнильца (Церковщины): Ходосовка (Диброва) – Новые Безрадици – Обухов, – насыщен раннеславянскими памятниками, начиная с киевской археологической культуры III–V вв. [37, с. 65–62], и до памятников летописных славян включительно [63, с. 182–183, рис. 8–10; 75, с. 40–52, 106–

122]. Аналогичен археологический контекст размещения пещерного комплекса в ур. Китаево (Киев), с престолом древнего типа (рис. 62), расположенного впритык к поселению киевской культуры IV–V вв.

Сходно, как престол древнего типа, описан древний престол, - примыкающий к стене помещения выступ, в одном из пещерных комплексов Чернигова [44, с. 78]. Этот пещерный монастырь был описан при случайных оползнях 1810 и 1820 гг., открывавших вход под землю, «смотрящий» прямо на Черниговский подол, постоянно заселяемый в IV-VII вв., и стационарно заселенный не позднее X в. [91, Карта 20, 21]. Известно, что в этих городских окрестностях существовал монастырь (вероятно, пещерный), во времена крещения Чернигова [93, с. 15–22].

Пещеры Холковского скита над Осколом (Подонье) существовали в качестве храмового комплекса уже в VIII в. [94, с. 89–109]. Это подземный монастырь с храмом, в котором престол примыкает к внутренней стене апсиды (рис. 72:1) [64, с. 93–111], а над его северной (правой) частью в апсиде высечена небольшая ниша, напоминающая жертвенник. Обводная галерея (рис. 72:2) вокруг престола, видимо, бывшего некогда лежанкой христианского отшельника, построена точно так же, как обводная галерея под синтроном Николаевской базилики в Мирах Ликийских (рис. 1) в Малой Азии. Значит, сама христианская пещера возникла не менее, чем на полвека ранее, когда приняла первого насельника, и относится к VII в. Ныне имеются редкие находки, связывающие пещеры Подонья, где имеются престолы древнего типа, с древностями V-VII вв. [77, с. 207–213].

Храмы описанного типа (в Холках и в Мирах Ликийских) принадлежат к переходному времени, когда окончательно утверждается позиция престола в центре алтаря. Дальнейшее развитие алтарного пространства протекает уже при этом постоянно доминирующем признаке. Еще в VIII в. жертвенник выносился в наос храма, как в пещерном каппадокийском храме № 9 в Гереме. Не позднее, чем в X в., жертвенник, выносившийся в раннехристианских храмах в наос в целях его доступности для прихожан, становится непременным атрибутом алтарного пространства. Таков храм Токали Келисе X в. возле каппадокийской Гёреми, где ниша жертвенника устроена за предалтарной преградой (рис. 73:2). Алтарное пространство этой пещерной святыни имеет сформировавшуюся нишу «Горнего места» над владычной кафедрой с синтроном (рис. 73:3), и расположенный перед кафедрой престол по центру алтаря.

Все изложенное позволяет констатировать, что такой канонически-архитектурный элемент, как престол, - литургическое устройство, имеющее ряд хронологических признаков, является артефактом намного более точно датируемым, нежели некоторые иные артефакты (например, фрагменты керамики, особенно – стенок сосудов). Подводя итоги, отметим, что наиболее древние престолы, предназначенные для пролива по их поверхности преосуществляемого в Кровь вина, являются недифференцированными литургическими устройствами, включающими функции как собственно престола, так и жертвенника. По точному наблюдению о. Михаила Желтова, еще свт. Григорий Богослов (Назианзин) в IV в., под «жертвенником» понимает «престол» [45, с. 111–126], на котором и готовятся, и освящаются Святые Дары (причастие). Таковы древнейшие престолы Чилтер-Кобы в Крыму, поставленные после прихода пленных христиан из Каппадокии (после 264 г.); в патмосской «Пещере Апокалипсиса» (III в.); в Мега Спилеон на греческом Пелопоннесе (362 г.); в Вифлеемском пещерном храме Младенцев (IV в.); «Камнь Сиденья» на Джебель Кварентал в Палестине (IV в.); в пещерных храмах Троицкого пещерного скита у Сатанова в Поднестровье. Время их появления соответствует периоду появления храма у христиан [5], видимо, с рубежа II–III вв., когда в храме в 202г. произошла гибель паствы с пастырем – св. Иринеем Лионским и, добавим - сожжение готских мучеников. Распространение подобных храмов в Поднестровье, как и в Крыму, соответствует первым этапам эпохи Великого

переселения народов – III–IV вв. (рис. 74), а распространение по всему югу Восточной Европы в V–VII вв. (рис. 75) отражает распространение раннего христианства в это время.

Выделение жертвенника (и диаконника) в качестве обособленного архитектурно-канонического элемента храма, – места предназначенного исключительно для подготовки евхаристии, и обособление престола, в качестве образа «*небесного алтаря, покоища Духа Святого, ложа Небесного Царя*» [49, с. 321], где происходит преосуществление вина в Кровь, а хлеба в Тело, соответствует времени введения в практику службы литургии свт. Василия Великого (с начала V в.). Вынесение жертвенника за пределы алтаря, соответствовало «демократическим» элементам ведения литургии, делая доступным жертвенник из наоса для всех «переданных и верных» на протяжении V–VII вв. Большинство храмов христианского мира в этот период продолжает пользоваться древним типом престола. Обособление жертвенника формирует пространство алтаря в современном понимании (пространство апсиды, отделенной от наоса храма предалтарной преградой). Таковы первоначально сохранившиеся храмы: «Судилище» (южный, «египетский» придел), «Успения» и «Донаторов» в Эски-Кермене, храм № 4 Чилтер-Мармору, и плеяда ранневизантийских храмов Инкермана в Крыму; таков храм у Малеевцев в Поднестровье, малый храм Зверинецких пещер Киева на Среднем Днепре, а также «Цветная комната» Белогорского пещерного монастыря, и пещерный храм Малых Див на Дону.

Вынесение жертвенника за пределы алтаря, наряду с «демократическими» элементами в ведении литургии, соответствовала еще и упразднению института диаконис в VII в.; а Трулльский (Дворцовый) V/VI Вселенский собор Единой Церкви (692 г.) положил конец установке престолов, примыкающих к внутренней стене апсиды, сделав обязательной в годовом круге Дванадцатых праздников службу литургии Василия Великого (служба **вокруг престола**) на праздник Благовещения. Именно потому перестали строиться храмы, не имевшие «кругового обхода» для службы **вокруг престола** по чину литургии Василия Великого, или же их вынужденно достраивали по этому принципу: именно так, – с «круговым обходом» был обустроен Троицкий храм пещерного монастыря в Холках в Подонье. Такими видятся основные этапы хронологического развития такого важнейшего класса артефактов (канонически-архитектурных элементов храма), каковым является церковный престол.

Список использованной литературы

1. Августин (Никитин), архим. Русская библейская археология в Палестине // БТ. 1999. № 35.
2. Аверинцев С.С. Иоанн Богослов // Мифы народов мира. Энциклопедия / под ред. С.А. Токарева и др. Т.1 (А-К). М., 1991.
3. Айбабин А.И. Аланы в Крыму в V веке // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Железноводск, 1998). Ставрополь, 1998.
4. Айналов Д.В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // ТМАО. 1915. Т.25.
5. Алымов В.А. Лекции по Исторической Литургике. СПб, 2005.
6. Амелькин А.О. Дивногорская обитель // Русская провинция. Воронеж, 1995. Вып. 2.
7. Амелькин А.О. Некоторые вещественные свидетельства распространения христианства в Южной России и I–IV веках // Исторический вестник. Научный журнал. Воронеж, 2001, № 1 (12). Режим доступа: <http://rusarch.ru/amelkin2.htm>.
8. Амелькин А.О. Древнейший монастырь Воронежского края // ВЕВ. Воронеж, 1995, № 7–8.
9. Амелькин А.О. Древнейший монастырь Воронежского края // ВЕВ. Воронеж, 1995. № 9–12.
10. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

11. Артюх В.С. Раннехристианский пещерный храм на Днестре // Международный симпозиум по искусственным пещерам. Киев – Одесса, Украина 9 – 14 сентября 1998 г. Киев; Одесса, 1998.
12. Артюх В.С. Сирямина Н. Давньохристиянський печерний храм у селі Стінка Тернопільської області // Медобори і духовна культура давніх, середньовічних слов'ян. Львів, 1998.
13. Атанасов Г. За един старобългарски скален манастир от X–XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 1993. Т. II.
14. Атанасов Г. Кападокийски културни влияния в скалната обител при Мурфатлар // Приноси към българската археология. София, 1992. Т. I.
15. Атанасов Г. Кримски реалии на единоколлабните църкви без притвор в Добруджа и Източна България през X–XI век // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Велико Търново, 1994. Т. III.
16. Бажан И.А. Многолепестковые инкрустированные фибулы и вопросы хронологии цебельдинских древностей // Доклад на семинаре «Хронограф» 06.04.2009. в ИИМК РАН. Изв. ИИМК РАН, СПб. (в печати).
17. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
18. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
19. Бандрівський М., Бандровський О. Поява пам'яток Східносередиземноморських культур на Придністровському Поділлі (I–III ст.н.е.) // Україна в минулому. Вып.II. Київ–Львів, 1992.
20. Беликов Д.Н. Начало христианства у Готов и деятельность епископа Ульфины. Вып.1. Казань, 1887.
21. Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение / сер. «Византийская библиотека». СПб., 2000.
22. Березкин Ю.Е. Ранняя керамика Старого и Нового Света. Доклад на научном семинаре «Теория и методология архаики [ТЕМА]», Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, 23.04.2010
23. Бобровський Т. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XIX ст. (спелео-археологічний нарис). Київ, 2007.
24. Василевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Тр. В.Г. Василевского. СПб., 1912. Т. II, вып.2.
25. Васильев А.А. Готы в Крыму. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Изв. ГАИМК. Петроград., 1921. Вып. I.
26. [Верлюжский И.] Исторические сказания о жизни святых подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880.
27. Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА.1995. № 1.
28. Винокур И.С. Новые языческие памятники на Среднем Днестре // Древние славяне и их соседи. М., 1970.
29. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI в. (Опыт исторической этнографии). СПб., 2003.
30. Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
31. Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округа пещерного города Эски-Кермен) // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Украины – Руси. Материалы научной

- конференции (Судак, 16-22 сентября 2002 г.) / Под ред. Н.М. Куковальской и др. Киев; Судак, 2002.
32. Гайдуков Н.Е. Михаил Желтов, диак. Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2.
 33. Гайдуков Н.Е. Церковная археология (Краткий словарь терминов). Симферополь, 2009.
 34. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. СПб., 1901. Т. 1. Ч.1.
 35. Голубцов А.П. Из чтений по Церковной археологии и литургике. СПб., 1995.
 36. Горайко А.В. О роли Антиохийской Церкви в восстании 397 г. // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2–3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006.
 37. Даниленко В.М. Пізньюзарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія. Київ, 1976. Вип.19.
 38. Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
 39. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму // САИ, вып. Д 1 – 7. М.: «Наука», 1991.
 40. Димитрій, Патріарх. Печерні монастирі, скити та келії у світі й Україні // Основа. Київ, 1995. № 28 (6).
 41. Дмитриевский А. Иоанно-Богословский мон-рь на о. Патмос по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами // Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1892. № 11.
 42. Днепровский Н.В., Чореф М.М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. Вып. 20.
 43. Домбровский О.И. Пещеры и урочище Кизил-Коба и позднеантичный период // Труды Комплексной карстовой экспедиции АН УССР, Киев, 1963.
 44. Ефимов А.Н., свящ. Елецкие пещеры при монастыре того же имени // Тр. XIV АС в Чернигове 1908 г.. М., 1911, Т.II.
 45. Желтов М. С. Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000.
 46. [Иоанн Мосх] Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 2004.
 47. Казанский М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеимперское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Сборник научных статей. Киев., 2006.
 48. Кардини Ф. История средневекового рыцарства / Сокращенный перевод с итальянского В.П.Гайдука. Вступ.статья и общ.ред. к.и.н. В.И. Уколовой и д.и.н. Л.А. Котельниковой. М., 1987.
 49. [Кирилл Туровской]. Святого Кирилла монаха слово о снятии Тела Христова с креста и о мироносицах на тему евангельскую, и похвала Иосифу Аримафейскому в неделю третью по Пасхе / Подгот.текста, перевод и коммент. В.В.Колесова // ПЛДР. XII век./ Общ.ред. Л.А.Дмитриева, Д.С.Лихачева. М., 1980.
 50. Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.
 51. Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднестровье // САИ. 1978. Вып. Е 1-43.
 52. Лавров В.В. Готские войны III в.н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной

- истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Под ред. Д.и.н.А.Ю. Дворниченко. СПб., 2003.
53. Лавров В.В. Епископ Ульфила и развитие готской литературы // Интеллектуальная элита античного мира. ТД научной конференции. 8–9 ноября 1995 г. СПб., 1995.
 54. Латышев В.В. Жития Святых епископов Херсонских // Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отделение, VIII серия. Том VIII. СПб., 1906
 55. Латышева А.В. К реконструкции обряда крещения в раннесредневековом Херсонесе // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2–3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006.
 56. Левада М. Перстень з двома імператорами або про наукову вартість «старожитності» // Пам'ятки України. Історія та культура. Науковий часопис. Київ, 2005. № 2.
 57. Магомедов Б.В. Вельбарские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Masłomęczu. Tom II. Lublin, 1998.
 58. Мещерская Е.Н. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997.
 59. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.
 60. [Муравьев А.Н.] Путешествие по святым местам Русским. СПб., 1846. Ч. I.
 61. [Муравьев А.Н.] Путешествие по святым местам Русским. СПб., 1846. Ч. II. (Репринт. Изд. Св.-Троице-Сергиевой Лавры, 1990).
 62. [Никифор, архимандрит] Библейская энциклопедия в 4-х выпусках. Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891 (Репринт. Изд. Св.-Троице-Сергиевой Лавры, 1990).
 63. Петрашенко В.О. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності України–Русі. К., 1994.
 64. Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Города, ансамбли, зодчие. М., 1985.
 65. Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства (изд. 2-е). СПб., 2000.
 66. Порфирий (Успенский), епископ. Святые земли Итальянской (Из путевых записок 1854 года). М., 1996.
 67. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Готский Сб., ИГАИМК. М.;Л., 1932. Т.12. Вып. 1–8.
 68. Райт Дж.Э. Библейская археология. СПб., 2003.
 69. Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // Изв. ГАИМК, 1932. Т. 12. Вып. 1–8.
 70. Репников. Н.И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. Вып.117: Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.;Л., 1935.
 71. Рикман Э.А. О влиянии позднеантичной культуры на Черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье // КСИА. М., 1070. Вып.124.
 72. Святая Земля. Исторический путеводитель по памятным местам Израиля, Египта, Иордании и Ливана / Ред. М. В. Бибики. М., 2000.
 73. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
 74. [Сисаури Б.] Полные жизнеописания Святых Грузинской Церкви / Перевод с Грузинских подлинников Михаила Сабинина / Ред. Бесики Сисаури. Режим доступа: <http://sisauri.tripod.com/religion/russian/garejeli.htm>.
 75. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / Сер.: «Археология СССР» / Отв.ред. тома И.П. Русанова, Э.А. Сымонович. М., 1993.

76. Степкин В.В. Культурные пещеры Среднего Дона и Оскола (цикл статей) // Культурные пещеры Среднего Дона / Сер.: «Спелестологические исследования»: Спелестологический Ежегодник Русского общества спелестологических исследований. М., 2004. Вып.4.
77. Степкин В.В. Пещера у с. Селявное в Воронежской области (к вопросу о первоначальном этапе пещерного строительства в Донском регионе) // Христианство в регионах мира. Вып.2 / Отв.ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб., 2008.
78. Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
79. Струков Д.М. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. Изд.2-е. М., 1882.
80. Струков Д.М. О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879.
81. Струков Д.М. О древне-христианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. М., 1872.
82. Суховой Л.Н. Культурные пещеры Одесской области // СЕ РОСИ 1999. М., 2001.
83. Сыманович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. 1963. № 1.
84. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро-Херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III-IV вв.н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999.
85. Фаррар Ф.В. Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1891. Т.1.
86. Фомин М.В. О раннехристианской погребальной традиции. Попытки реконструкции // Проблемы теологии. Вып.3: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения протопресвитера Иоанна Мейендорфа. 2–3 марта 2006. Часть 1. Екатеринбург, 2006.
87. фон Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Часть I: Римские катакомбы. М., 1872.
88. Харитонов С.В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., 2004.
89. Шевченко Ю.Ю. Амулеты и перстень с рыбами: первохристиане в Крыму // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД участников двенадцатого коллоквиума (3–10 апреля 2003 года). СПб., 2003.
90. Шевченко Ю.Ю. Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира / Отв.ред. Т.А.Бернштам, А.И.Терюков. СПб, 2008. Вып. 2.
91. Шевченко Ю.Ю. В зоне славянского этногенеза (Палеодемозкология Низовий Десны в первом тысячелетии н.э.). СПб., 2002.
92. Шевченко Ю.Ю. Домашние святыни: Богородица Пещерная на древнехристианских филактериях // Славянский ход / Отв.ред. Е.А. Резван. СПб.–Сургут–Ханты-Мансийск, 2009.
93. Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Черной могилы // Сб. МАЭ. Вып. XLVII: Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999.
94. Шевченко Ю.Ю. Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и "иерусалимский след" в пещерном строительстве // Археология, этнография и антропологии Евразии. № 1 (25) 2006 (СОАН, Новосибирск).
95. Шевченко Ю.Ю. Нищенство как индикатор лидерства в первохристианстве: апостолы и пророки – трансформации во времени // Лидерство в архаике. Материалы семинара «Теория и методология архаики (ТЕМА)» / Отв.ред. Д.Г. Савинов, М.Ф. Альбедиль. СПб., 2011 (в печати).

96. Шевченко Ю.Ю. О времени возможного возникновения пещерного храма на Ай-Тодоре (Чилтер-Коба) в Крыму // Полевые исследования МАЭ РАН в 2009 г. / Отв.ред. Е.Г. Федорова. СПб., 2010.
97. Шевченко Ю.Ю. О египетских элементах в христианском храмовом престоле // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы / Под ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянова. Брянск, 2009.
98. Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские монастыри Подонья: начало традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. / Отв.ред. Д.Г. Савинов. СПб., 2004.
99. Шевченко Ю.Ю. Планиметрия восточнохристианского пещерного храма раннесредневековой Восточной Европы (VII–XII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического Съезда в Суздале 2008 г. Том II. Отв. редакторы: академик РАН А.П. Деревянко, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. М., 2008.
100. Шевченко Ю.Ю. Символика орнаментаций «Цветной комнаты» Белогорского пещерного монастыря в Подонье // Археологическое изучение Центральной России. Международная научная конференция к 100-летию Всеволода Протасьевиича Левенка, Липецк, 2006.
101. Шевченко Ю.Ю. Храмы христиан юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Вип.3. Київ–Глухів, 2010.
102. Шевченко Ю.Ю., Богомазова Т.Г. Древнейший храм Руси // Христианство в регионах мира / Отв.ред. Т.А. Бернштам. СПб., 2002.
103. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Палеоэтнографическая ситуация V-VII вв. в Северном Причерноморье и появление раннехристианских пещерных памятников // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010.
104. Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Появление раннего христианства III-VII вв. в Северном Причерноморье // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Вип.3. Київ–Глухів, 2010.
105. Шмеман А., прот. Введение в литургическое богословие. Киев, 2004.
106. Щепанская Т.Б. Пронимательная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Отв.ред. Т.А. Бернштам. Сборник МАЭ XLVII. СПб., 1999.
107. Шукин М.Б. Готский путь (Готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.
108. Шукин М.Б. О первом появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале Черняховской культуры. Памяти Иохима Вернера // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов / Отв.ред. Г.С. Лебедев; под науч.ред. А.С. Мыльникова, М.Б. Шукина. СПб., 2002.
109. Шукин М.Б. Силадъшомйо или Сильвано-Шильмоне и Фритигерн // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции к 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004.
110. Юрочкин В.Ю. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии Античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999.
111. Юрочкин В.Ю. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2002. Ч. II.

112. Bazgu E. Manastriile rupestre din bazinul fluviului Nistru – artere de raspindire a crestinismului // Sud-Est. 1997.4.30 Revista apare din anul 1990 / Red.-sef: Valentina Tazlauanu. Chişinău, 1997.
113. Bierbrouer V. Ethnos und Mobilitat im 5.Jahrhundert aus archeologischer Sicht: VomKaukasus bis nach Niederosterreich. Munchen: Verlag der Bayerischen Akademie Der Wissenschaften in Kommission beim verlag C.H. Beck, 2008.
114. Evangelatou M. The Holy Sepulchre and iconophile arguments on relics in the ninth-century Byzantine Psalters // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
115. Frend W.H.C. The Archaeology of Early Christianity: A History. Minneapolis, 1996.
116. Gibson S. The Cave of John the Baptist: The First Archaeological Evidence of the Historical Reality of the Gospel Story (Paperback). London, 2005.
117. Grabar A. Etudes critiques: R. Naumann. "Die Euphemia-Kirche" // Cahiers. 1967. Т. 17.
118. Hager J. Pilgrimage. A Chronicle of Christianity Through the Churches of Rome. London: Weidenfeld & Nicolson, 1999.
119. Jolivet-Levy C. Les Eglises Byzantines de Cappadoce: : le programme iconographique de l'abside et de ses abords. Paris: CNRS, 1991.
120. Berder. M. Un Itineraire au Mount des Oliviers // Le Monde de la Bible. 1988. Vol.55.
121. Mango C. Byzantine Architecture // History of World Architecture. New York, 1985.
122. Mathews Th.F. The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. London, 1980.
123. Noel D. L'Architecture chretienne et les pratiques liturgiques en Jordanie en rapport avec la Palestine: Recherches nouvelles // Churches Built in Anicent Times. Recent Studies in Early Church Archaeology. London, 1994.
124. Parrot R.P. L.-H. Vincent // Syria. 1961. Vol. 38.
125. Scukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas – empire et a l'epoque des grandes migrations. BAR International Series 1535 / Series Editors : Sauro Gelichi, Lopez Quiroga, Patrick Perin. Monographs, I. Oxford, 2006.
126. Taylor J.E. Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford, 1993.
127. Taylor J.E., Gibson Sh. Beneath The Church of the Holy Sepulchre. Jerusalem. London, 1994.
128. Teteriatnikova N.B. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Roma, 1996.
129. Thomas T.K. Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919-1920) / Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919-1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval Archaeology. September 1990-February 1991. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, 1990.
130. Tsafrir Y. The Loca Sancta and the invention of relics in Palestine from the fourth to seventh centuries: their impact on the ecclesiastical architecture of the Holy Land // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2003.
131. Wilkinson J. Jerusalem as Jesus knew it. London, 1978.
132. Wilkinson J. Peregrinato Aetheriae = Egeria's Travels: Newly translated with supporting documents and notes. London, 1981.
133. Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
134. Суховой Л.Н. Культурные пещеры Одесской области // СЕ РОСИ 1999. М., 1999.
135. Моцпан Р.З. О возможных ранних датах пещерных монастырей Приднестровья // «Христианская архаика» («Христианство в регионах мира»). Вып. III. (в печати).
136. Русанова И. П. Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимошук. М., 1993.

137. Thelma K. T. *Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919-1920) / Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919-1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval Archaeology. September 1990-February 1991. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, 1990.*
138. URL: http://vkontakte.ru/album-9934843_93368394 (дата обращения: 27.07.2011).

Summary

Liturgical device, called today the throne – a key architectural element of the canonical church – an artifact that can be typologize, to clarify the chronology of the monuments, which he entered. The position and function of this device in a liturgical church, reflecting its structure, independent of the canons of church services that have changed over time. The first is from this point of view considered the thrones of the cave temples of the Crimea in the 70-th. XIX c. D.M. Strukov, but on the eve of the third millennium, it comes to the «liturgical archeology» (Noel Duval). Correcting scheme chronology of temple altars, D.M. Strukov and supplementing it with material altar of the church in the Middle East, it was possible to outline the basis of this typology of liturgical unit. In the early stages (from the line II–III to V cc. in the first half.) Of the throne and the altar are the same, when operating the device, the earliest liturgical III – beginning of IV c. With the «Cave of the Apocalypse» on Patmos (Aegean), the throne of Ay-Todor (Chilter-Koba) temple (Taurica), «The stone seats» on the Mountain Temptations (Palestine), the altar of the church «innocent victims of babies» in Bethlehem (Palestine). Around the middle of V c. separated from the altar to the throne, becoming an independent canonically temple architectural element. Cave temples of this period (the last third V–VII cc.), Such as «Judicatory», «Three Riders», «Donators» in the district of Eski-Kermen (Taurica), multiple churches in this time of Cappadocia (Asia Minor), have thrones still adjacent to the inner side of the altar wall, to serve before the throne of the ancient liturgy of ranks (the «Twelve Apostles» – «Didache»; rank of ap. Mark of Alexandria, Jerusalem rite of ap. Iakov Elder). Just resolution of the «Palace Cathedral» (Trullan) in 692 prescribed by the Annunciation mandatory service in the order of st. Vasilij the Great (around the altar), put an end to the thrones of the device adjacent to the inner wall of the apse. Since then the throne is always erected in the center of the altar, to be able to round-trip.

Рис. 1. 1. Интерьер храма Николая Мирликийского в г.Демре (Турция), вид с востока. 1: Древнее основание престола. 1: Престол выдвинутый к наосу, видимо, около 832 г. при окончании перестроек храма. 2: «Амфитеатр» синтрона (сопребстолия).

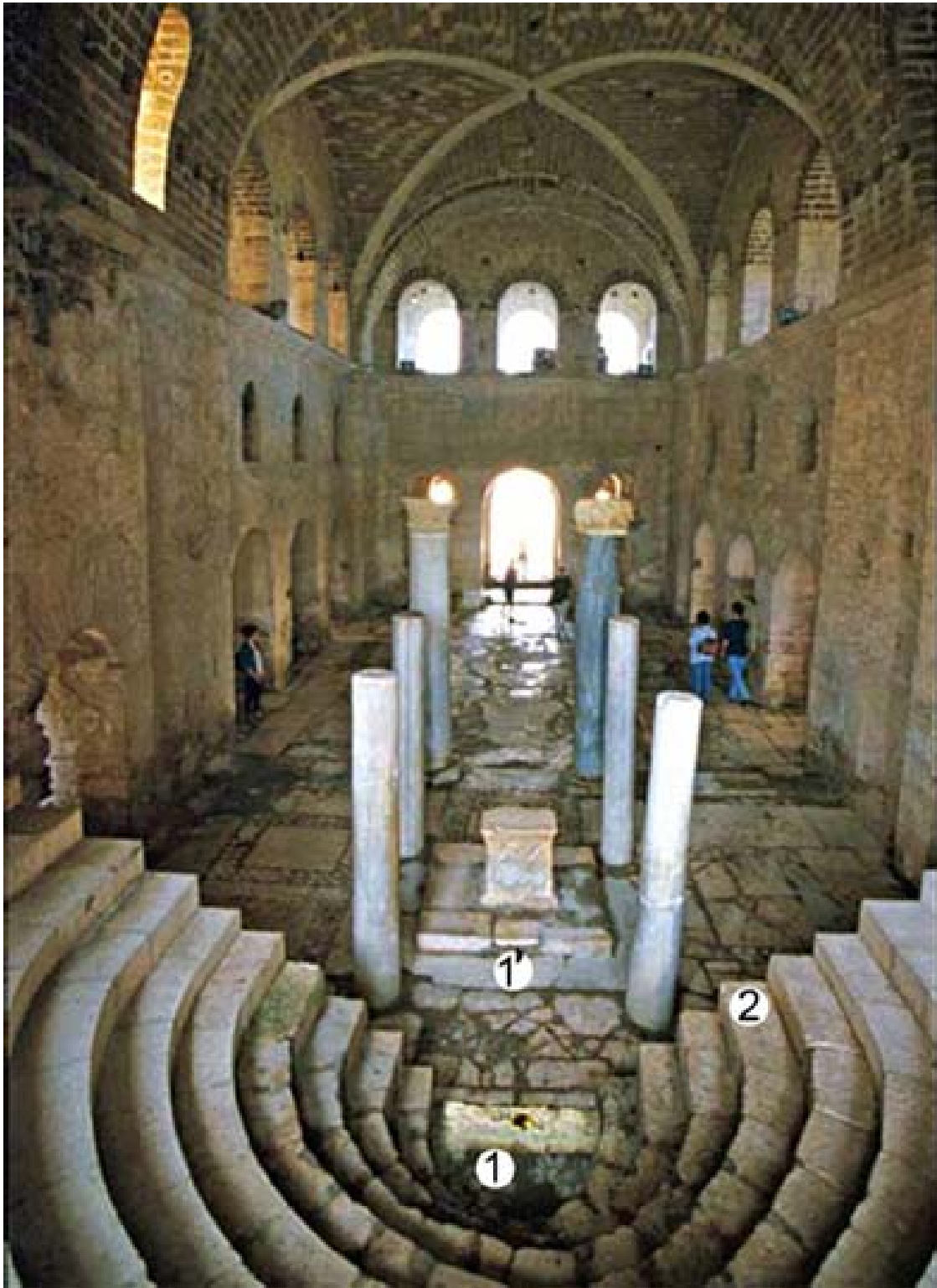

Рис. 1. (Продолжение). 2. Интерьер храма Николая Мирликийского в г.Демре (Турция), вид с запада. 1: Престол под сенью кивория (ок.832 г.). 2: «Амфитеатр» синтрона (сопрестолия). 3: Выходы обводной (под синтроном) галереи для совершения «кругового обхода» престола.

Рис. 2. Случайные (и грабительские) находки первохристианских перстней: с территории Крыма (Ново-Отрадное) последнего десятилетия II в.н.э. (6) [89]; перстень с рыбами (1), случайная находка на Южном берегу Крыма (у Судака, 2009 г.); и с памятников черняховской культуры III-IV вв. (3-5) Буго-Днестровского и Среднеднепровского регионов [56]. Перстень с изображением Гордиана и Филиппа Араба (5), относящийся к горизонту Лейн-Хаслебен, с «узкой датой», аргументированной М.Левадой, мог в IV в. использоваться христианами как экзарха, как использовалась в качестве иконы Богородицы египетское изображение Исиды из Поднепровья [19, с. 5-26].

Рис. 3. Предметы с символами креста круга «выемчатых эмалей» III-IV вв. (1-7) из грабительских раскопок 2008-2010 гг.: подборка *Бажан Игорь*. Вещи круга эмалей (альбом) // «Тайное общество хронологии» [138].

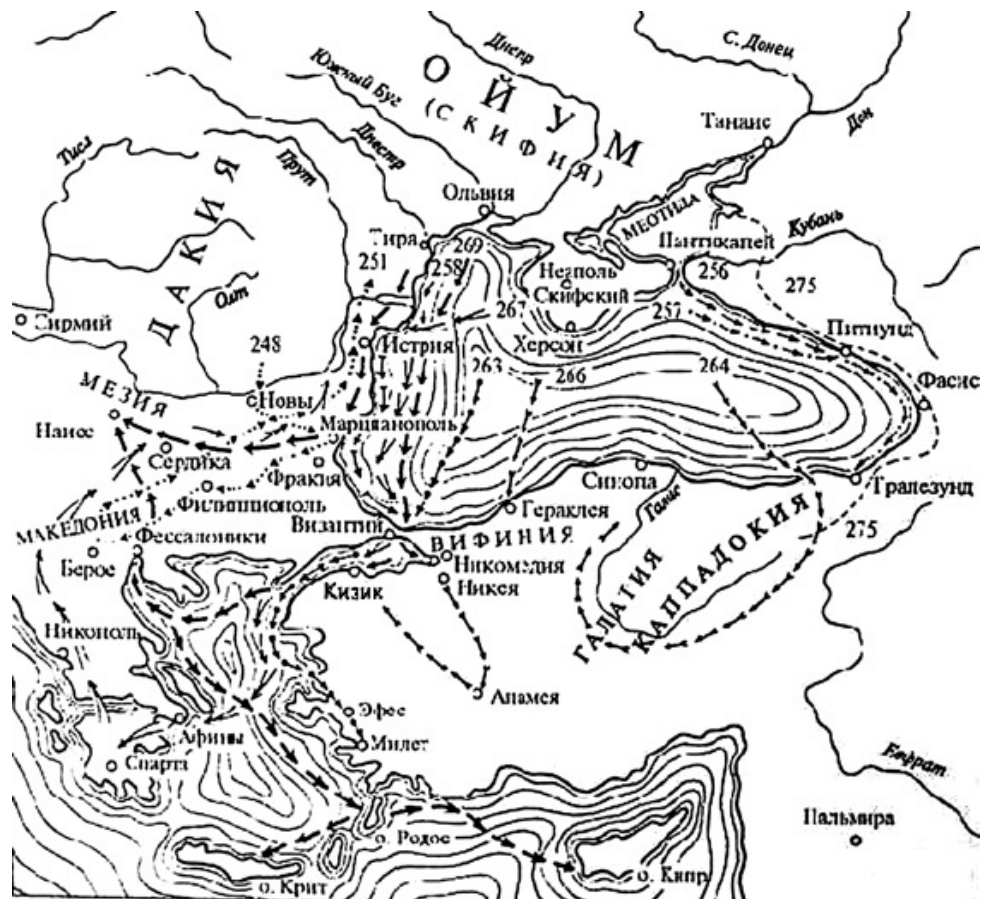

Рис. 4. Ранние готские походы через Босфор по М.Б. Щукину [107, рис.52].

Рис. 5. Мощи (десница) св. великомученика Никиты Готского. (Из Сербского монастыря). Свято-Феодоровский (Государев) собор Царского Села (г.Пушкин, Ленинградской обл., Россия).

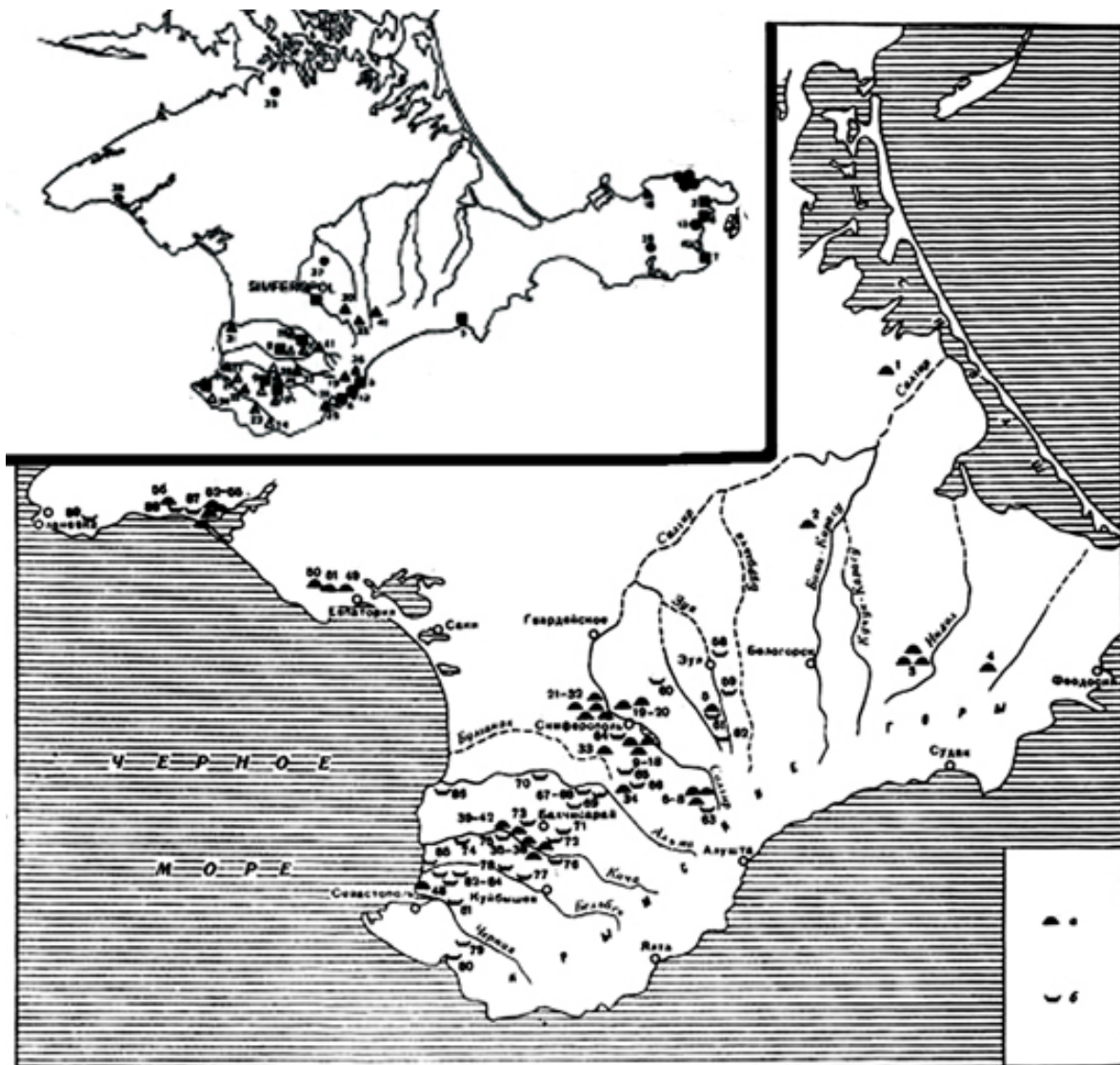

Рис. 6. Погребальные (1) и поселенческие (2) позднескифские памятники Юго-Западного Крыма по О.Д. Дашевской [39, табл. 36]; на врезке – география находок «готского стиля» III-VII вв. по М. Биербрауэру [113, S. 112, Abb. 15].

1

2

Рис. 7. **1.** Вид (2005 г.) на пещерный монастырь во имя св.вмч. Феодора Стратилата (Чилтер-Коба) в склонах отрога Внутренней гряды Крымских гор – Ай-Тодора. Фотография автора, 2005 г. **2.** Вид на монастырский комплекс в пещерах Чилтер-Коба в 2007 г. Фотография автора, 2009 г.

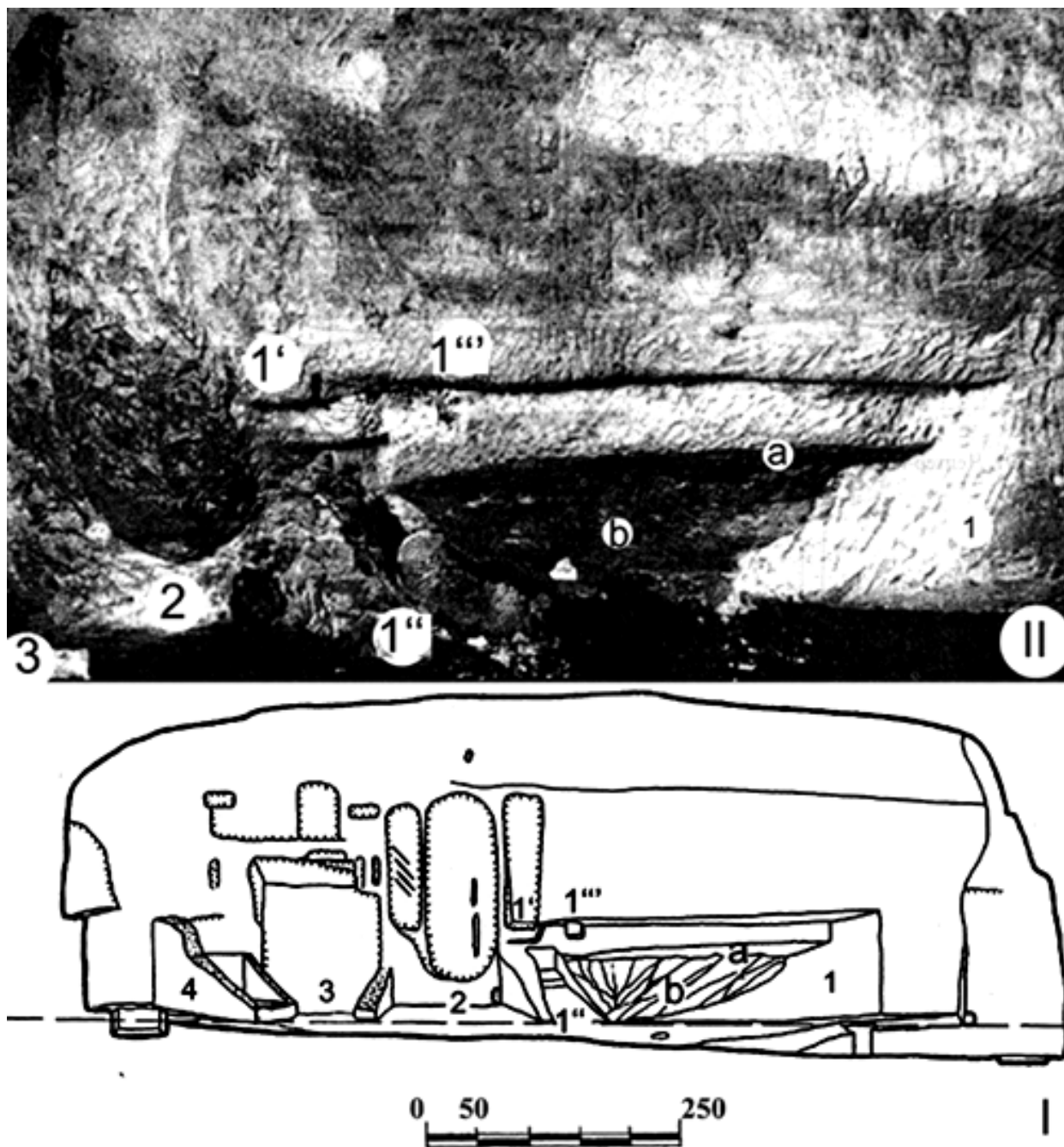

Рис. 8. I. Алтарное пространство пещерного храма на горном мысу Ай-Тодор по В.Н. Даниленко (1993). II. Околопрестольное пространство в алтаре пещерного храма Ай-Тодор. Фотография Е.В. Веймарна, 1932-1934 гг. (?), приведенная в работе В.Н. Даниленко, 1993 г. Крым. Экспликация. 1: Возвышение престола, примыкающего к внутренней стене апсиды. 1': Полка престола с углубленным чашеобразным дном (аналог стационарной напрестольной чаши - потира). 1'': Сток от «престольной чаши» в резервуар у подножия алтаря. 1''': Углубление для ковчежца с закладными мощами. 2: «Чашеобразная» ниша жертвенника. 3: Устье крипты-кимитирия, примыкающей к нише жертвенника. 3': Углубленный уровень пола (по отношению к уровню пола алтарного пространства) крипты-кимитирия. 4: Купель баптистерия в апсиде (алтаре). 5: Погребальные ниши-аркосолии (стасидии), окаймляющие пространство апсиды (алтаря) Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) храма Чилтер-Коба. б (условное обозначение): Место вокруг престола, где неровности пола и отверстия, заставляя предполагать здесь наличие некоего обособленного околопрестольного пространства, сформированного в виде кивория.

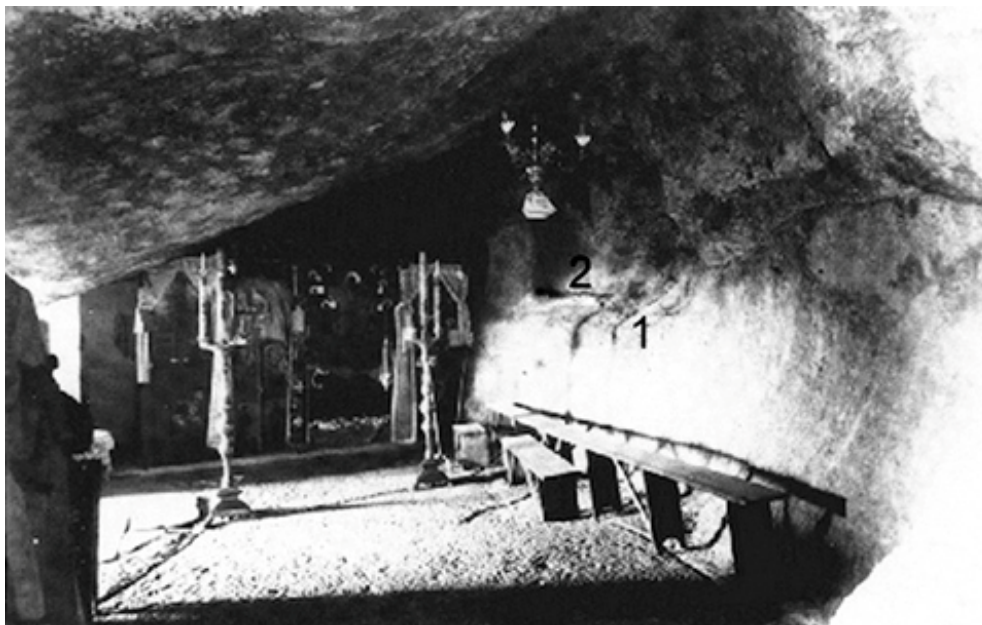

Рис. 9. Интерьер храмовой «пещеры Апокалипсиса» на о. Патмос. Вид на древний престол (1) и жертвенник (2) храма. Фотография Г.Р.Свэйна (G.R.Swain) в составе экспедиции Мичиганского университета под руководством Фрэнсиса В. Келси (1919-1920). Негатив хранится в Келсианском Археологическом музее при Мичиганском университете в Энн Арборе (штат Мичиган, США) [137, Neg. 7.389].

Рис. 10. Вид престола (1), предназначенного для пролива жидкости и жертвенника (2) с чашеобразным углублением и желобом слива, в пещере Иоанна Богослова на о.Патмос. Фотография Г.Р.Свэйна (G.R.Swain) [137, Neg. 7.389]

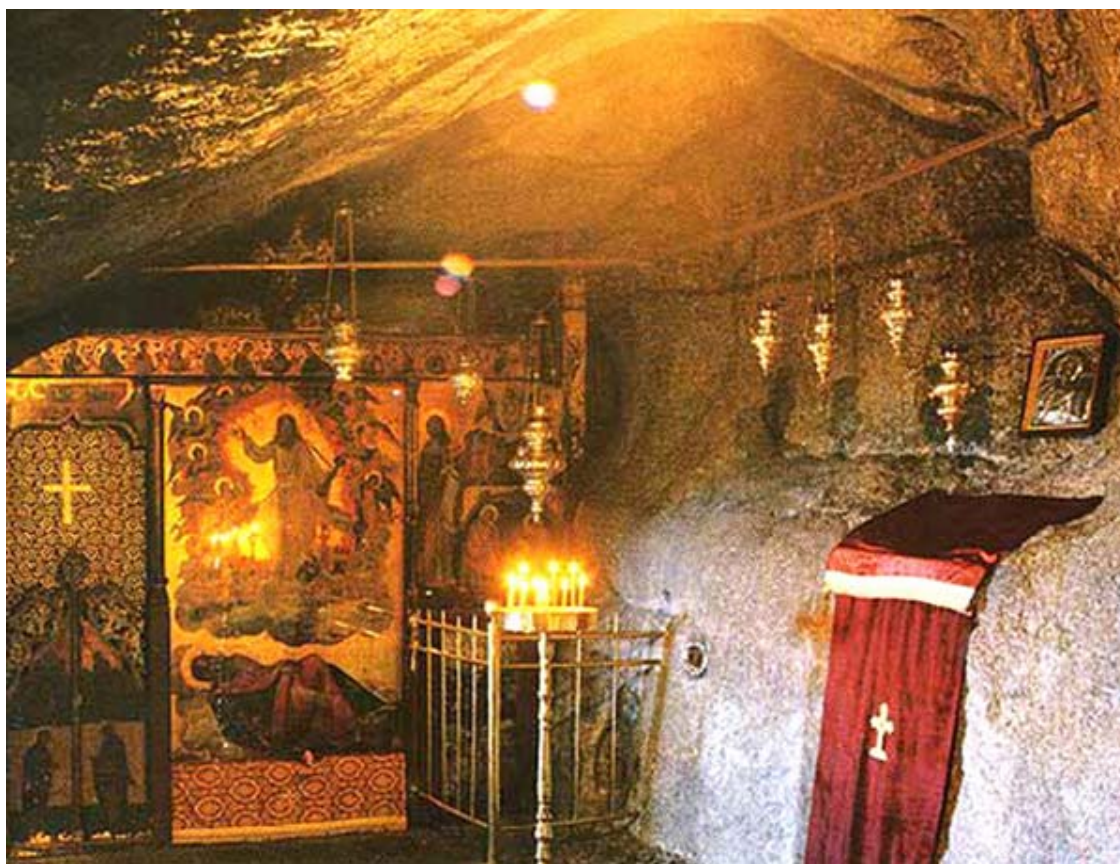

Рис. 11. Пещера-храм апостола Иоанна Богослова на о.Патмос (Греция). Деталь: Престол под антиминсом в храмовой пещере о. Патмос. Современный вид. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 12. 1. Площадка работ по исследованию Saba Cave (пещеры Иоанна Крестителя) в цистерне раннежелезного века: а – вход и лестница, ведущая в цистерну; b – отверстие в пещерном своде (а – вид входа – с поверхности и из пещеры - в храм-бапсистерий Иоанна Крестителя). 2. Вид от каменной лестницы (а), ведущей в христианский пещерный храм Saba Cave Иоанна Крестителя ранневизантийского времени, устроенный в водной цистерне раннежелезного века (b – отверстие в своде). 1: Камень-престол с углублениями «литургических устройств», являющийся частью кладки каменной лестницы. 2: Камень с высеченной в нем купелью (бапсистерий), вложенный в кладку уступа стены подземного храма. Фотографии С. Гибсона, 2005 г.

Рис. 13. «Камень-«следовик»» (1) - престол подземного храма Saba Cave под Иерусалимом, устроенного в водосборной цистерне раннежелезного века (Палестина). Квадратное – ромбовидное (2) углубление на камне соединено ложбинкой желоба с углублением в виде следа человеческой стопы (3) – «следа Иоанна Крестителя», которому посвящен ранневизантийский храм. Рядом с углублением «следа Иоанна Крестителя»; для масштаба – стопа проф. С.Гибсона. Фотография С.Гибсона, 2005 г.

Рис. 14. «Голгофский камень» в монастыре равноапостольной Марии Магдалины (Иерусалим, Палестина). Древний престол с чашеобразным углублением и желобом стока. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

2

Рис. 15. **1.** Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) возле придела Голгофа в Воскресенском храме (Анастасисе) Гроба Господня в Иерусалиме. Палестина. Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) в приделе «Темница Христова» в Претории в Иерусалиме. Палестина. Фотографии М.В. Соболевой, 2007 г. **2.** Деталь престольного камня в приделе «Темница Христова» (Претория) в Иерусалиме, с отверстиями (сквозным и чашеобразным) и системой желобков-стоков, для проливания по поверхности престола вина в процессе его преосуществления в Кровь Христа. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

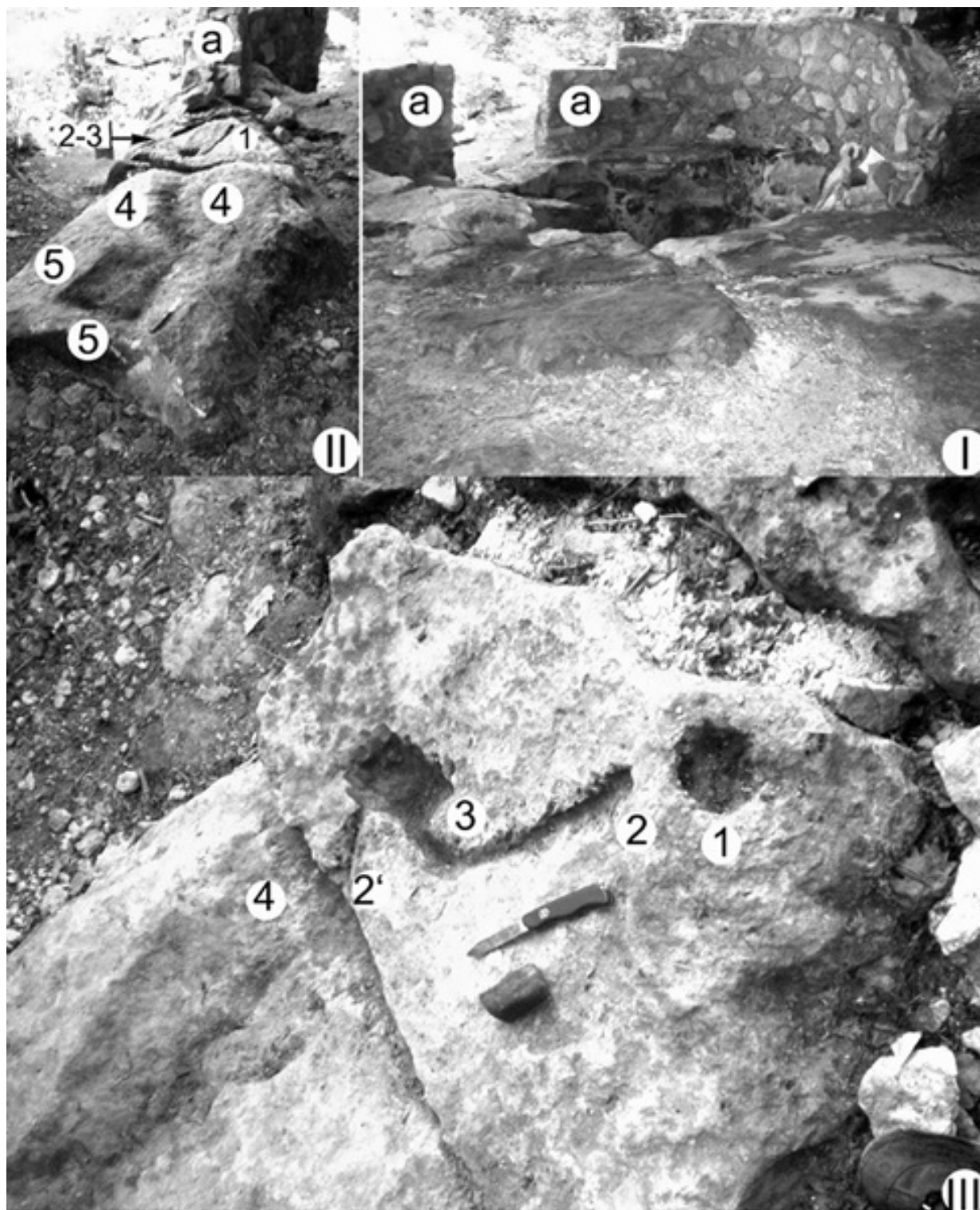

Рис. 16. *I.* Купель у родника Хор-Хор возле пещерного комплекса Чилтер-Коба, с горизонтальной вымосткой из крупных каменных глыб и достроенной современной стеной (a). *II.* Два камня с литургическими устройствами у края вымостки - террасы возле купели у источника Хор-Хор. *III.* Состыковка двух камней с литургическими устройствами на краю вымостки – террасы у источника Хор-Хор в Чилтер-Кобе под скалой «Серый Лоб» у склонов горного мыса Ай-Тодор.

Рис. 16. (Продолжение). Экспликация (I-II). а: Новопостроенная стена на горизонтальной вымостке из крупных каменных глыб. Экспликация (II-III). 1: Цилиндрическое углубление в коническом возвышении поверхности первого камня, соединенное горизонтальным отверстием со сточной желобком-канавкой (2). 2: Сточный желобок (2': Желобок стока к ложбине стока на втором камне). 3: Квадратное (ромбическое) углубление-резервуар, со сточным каналом (2') к краю камня. 4: Сток на поверхности второго камня, направляющий стекающую жидкость к неглубокому квадратному в плане резервуару-чаше (5). 5: Резервуар-чаша для сбора стекающей жидкости на втором камне. Фотографии автора, 2009 г.

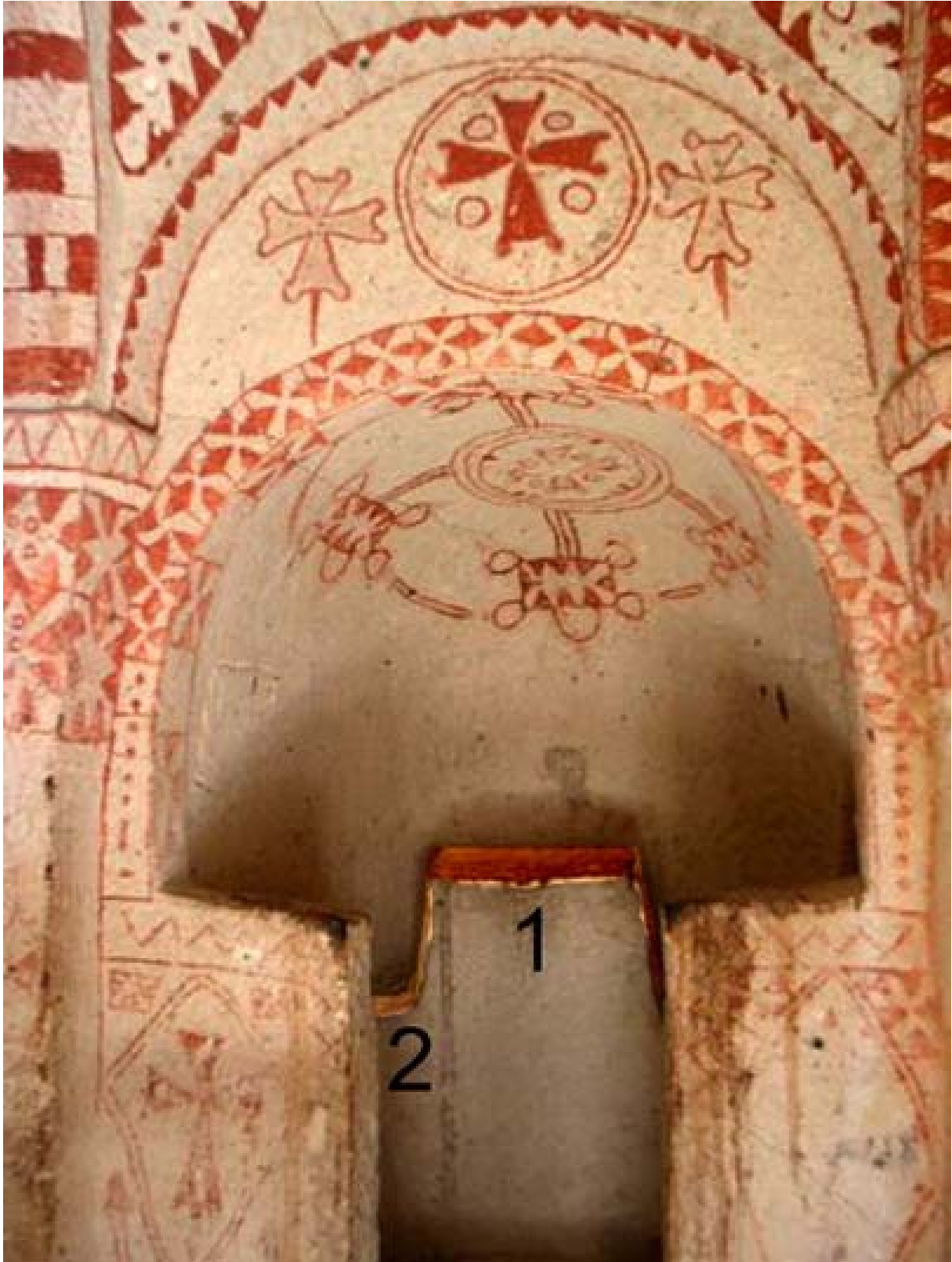

Рис. 17. Алтарная апсида с престолом (1), имеющим «уступ» («сидение»?) вместо жертвенника (2) в древнем пределе пещерного храма Барбары Гёремской (Гёреми, Каппадокия, Турции).

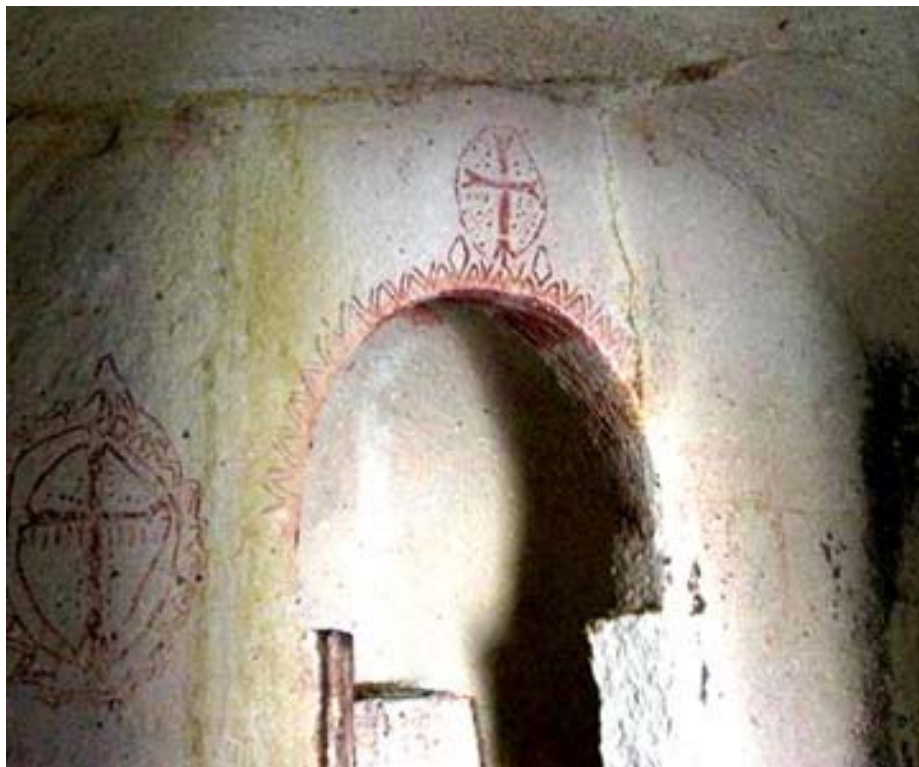
Рис. 18. Алтарная апсида с престолом (1) с «уступом» (2) и нишей жертвенника (3) в одном из пределов пещерного храма Барбары Гёремской (Гёреми, Каппадоки, Турции).

Рис. 19. Уступ престола, примыкающего к стене храма. Пещерный монастырь Ёзкинак, Каппадокия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

2

Рис. 20. **1.** Престол в южном приделе подземного храма св. Барбары Гёремской. Каппадокия, Малая Азия (Турция). **2.** Престол в алтаре малой пещерной церкви (No 6). Гёреми, Каппадокия, Малая Азия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

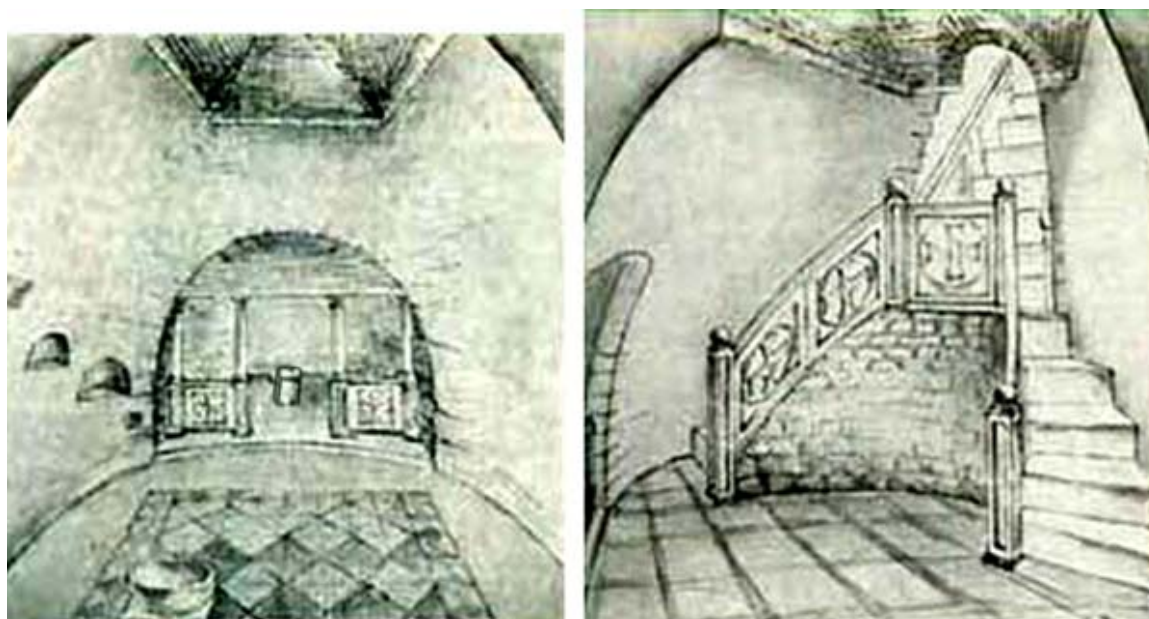

2

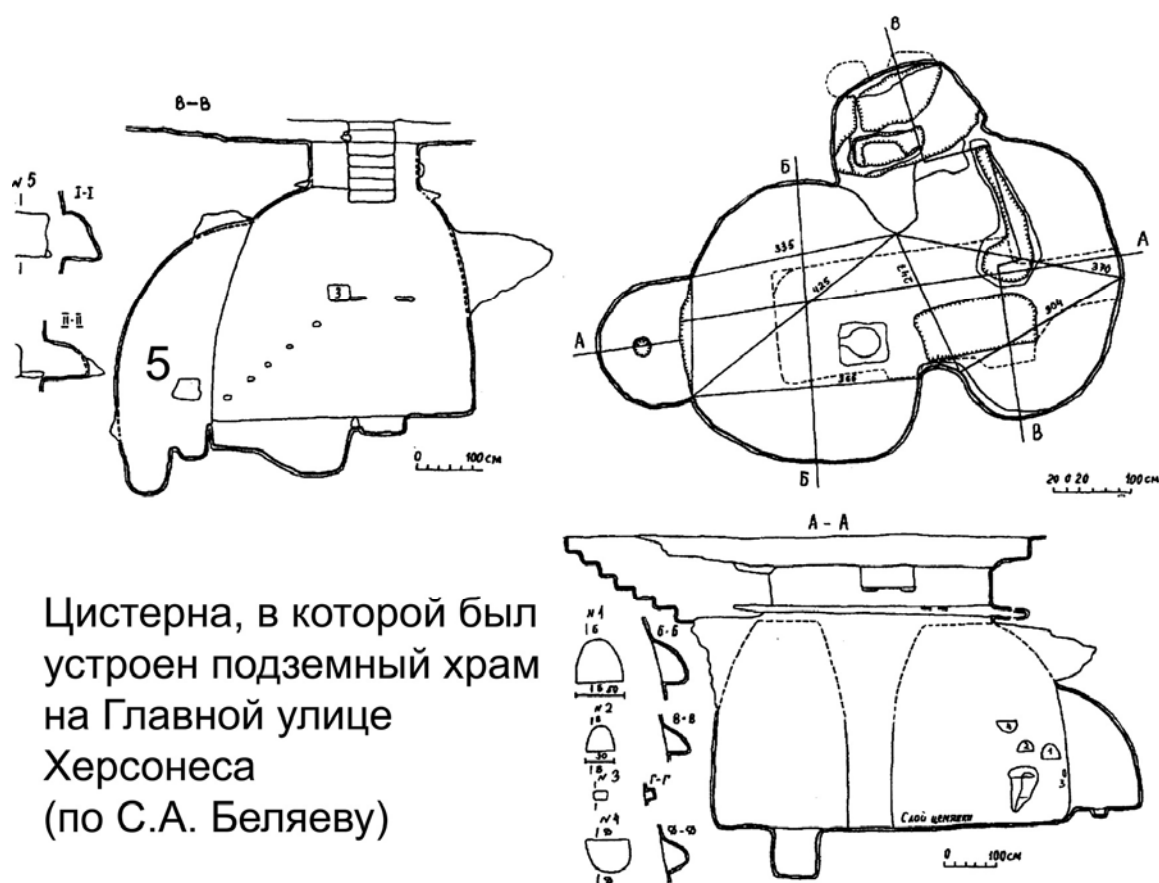
Рис. 22. 1. Престол в приделе Голгофа Воскресенского храма Гроба Господня в Иерусалиме (Палестина). 2. Служба в Святогробском приделе Голгофа. Фотографии М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 23. Паломники в пещерном храме Мега Спилеон. Греция. Древняя апсида пещерного храма монастыря с престолом (1) и жертвенником (2), размещенным над купелью. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

I

Цистерна, в которой был
устроен подземный храм
на Главной улице
Херсонеса
(по С.А. Беляеву)

II

Рис. 24. I. Подземный храм на Главной улице Херсонеса, оборудованный в позднеантичной цистерне (реконструкция С.А. Беляева, презентованная М.Б. Щукину в 1994 г.). II. План и разрезы цистерны, в которой был оборудован «подземный храм на Главной улице Херсонеса» (по С.А. Беляеву).

Рис. 25. Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса космитом – предалтарной преградой (3) и жертвенником, вынесенным в наос (2) в пещерном храме (№ 1) в Кеслик Келези. Каппадокия, Турция. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 26. Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса *космитом* – предалтарной преградой (3) и жертвенником (2), который покрыт красным воздухом, и размещен прямо на алтарной преграде, на границе алтаря и наоса, в пещерном храме (№ 5) в Гёреми. Каппадокия, Малая Азия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

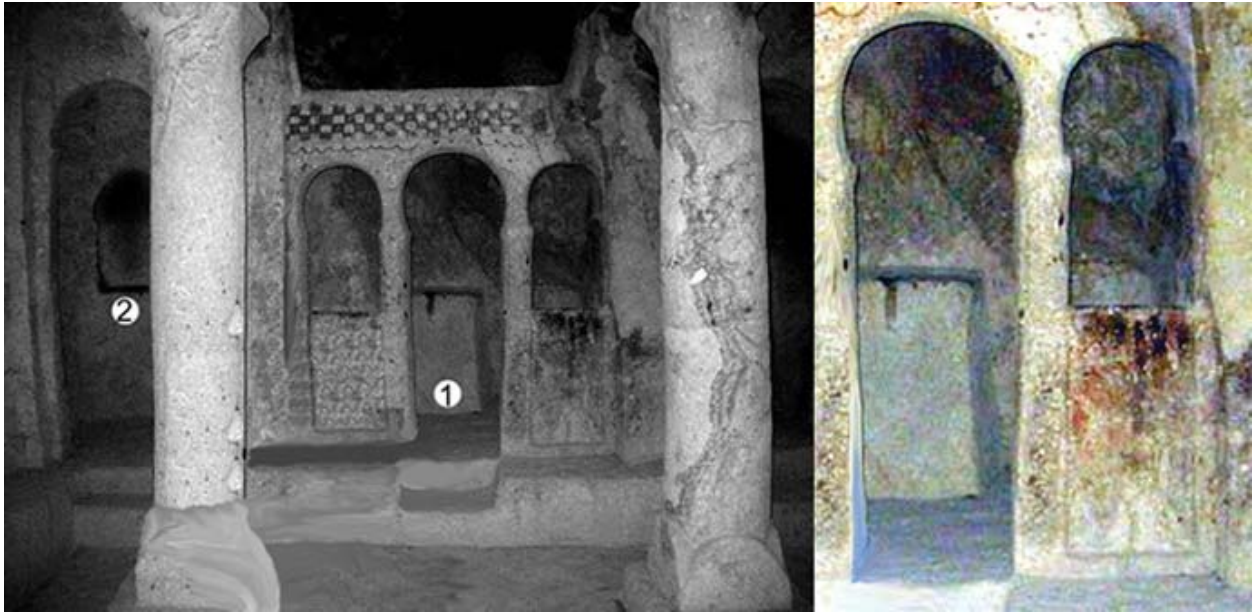
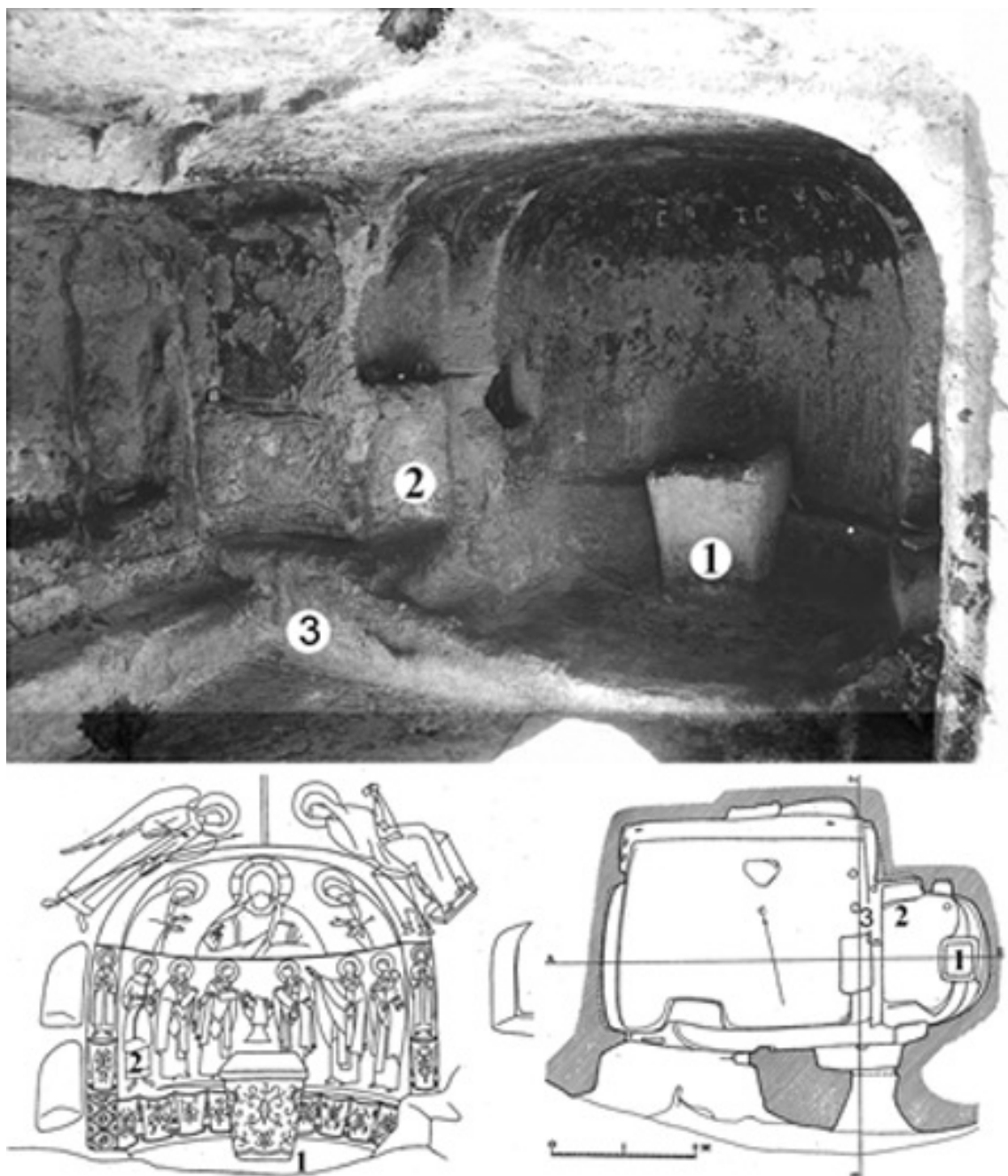
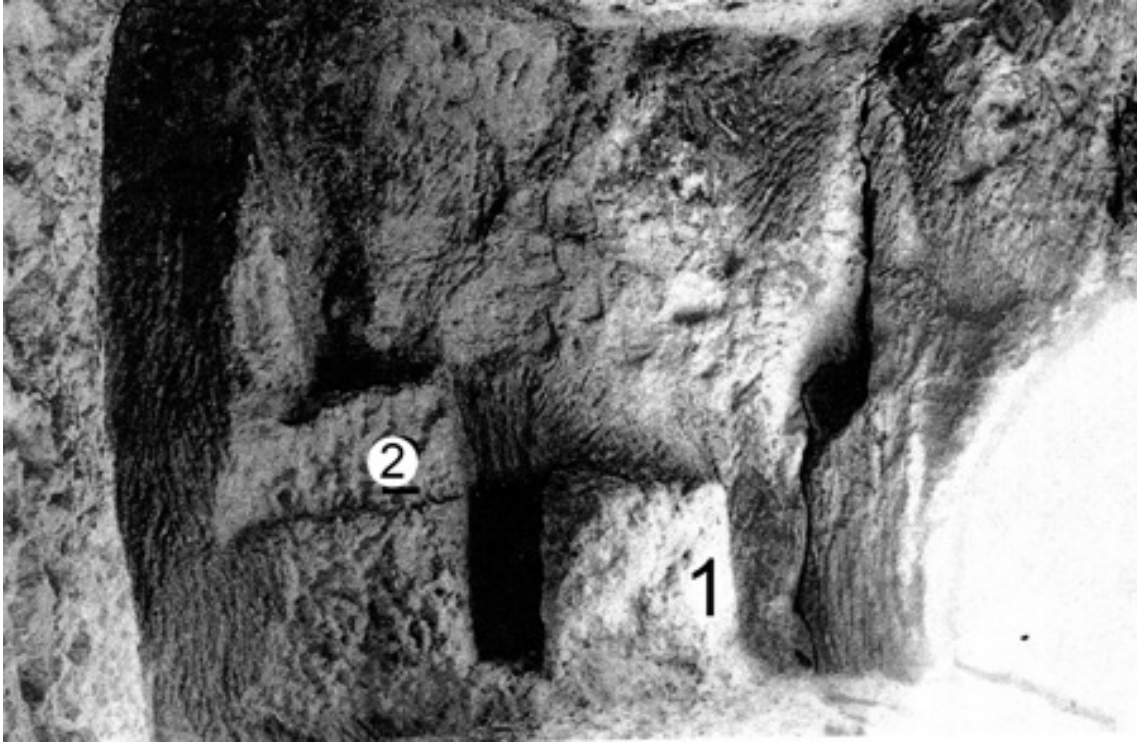

Рис. 27. Вид на алтарь с примыкающим к внутренней стене престолом (1), и вынесенную в наос - за пределы ограниченного космитом (предалтарной преградой) алтарного пространства – нишу жертвенника (2). Пещерная церковь № 9 в Гёреми, Каппадокия, Малая Азия (Турция). Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

I

Рис. 28. I. Престол (1) и ниша жертвенника (2) в пещерном храме «Донаторов». Эски-Кермен, Крым.

II

Рис.28. (Продолжение) *II*. Реконструкция И.Г. Волконской алтарной части с престолом (1) пещерного храма «Донаторов» в Эски-Кермене, Крым. *III*. Вид на литургическое устройство престола (1) и жертвенника (2) у космита – предалтарной преграды (3) в храме «Донаторов» в Эски-Кермене, Крым.

Рис. 29. Вид на престол в храме «Донаторов» Эски-Кермена. Крым. Фотография автора, 2006 г.

1

Рис. 30. **1.** Позднеантичный жертвенник «у фонтана» на вилле Лорея Тибуртина, недалеко от улицы Изобилия. Помпеи, Италия. Фотография Карины Мамалыго, 2009 г.

2

3

Рис. 30. (Продолжение). **2.** Престол Медузы из Херсонеса I в.н.э. (Гос.Эрмитаж в Санкт-Петербурге). **3.** Престол Пана из Херсонеса I в.н.э. (Гос.Эрмитаж).

Рис. 31. Литургическое устройство (престол) с высеченным чашеобразным углублением «стационарного потира» в «Папской крипте» в катакомбах св. Каллиста в Риме. Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 32. «Папская крипта» с литургическим устройством (престол), покрытым импровизированной «мензой» - позднеимской плинфой (кирпичом). Катакомбы св. Каллиста в Риме. Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

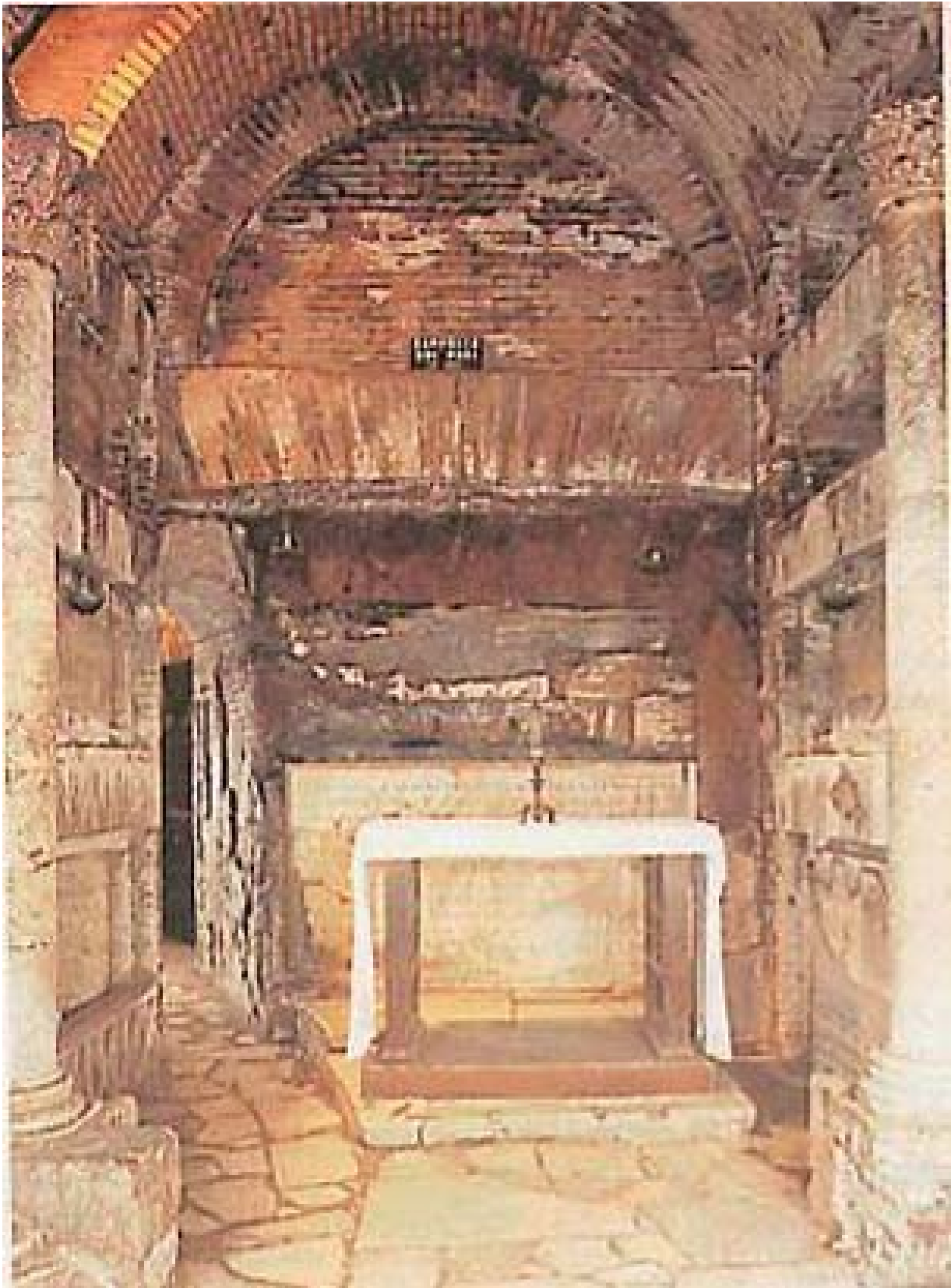

Рис. 33. «Папская крипта» с литургическим устройством (престол), и мраморной плитой с надписью папы Дамаса. Перед гробницей – установлен новый престол для службы **вокруг престола** по чину свт. Василия Великого. Катакомбы св. Каллиста в Риме. Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 34. «Базлика» в Римских катакомбах св. Коммодиллы. Ок. 526-536 гг. Рим, Италия. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г

1

2

Рис. 35. **1.** Престол в пещерном храме Благовещения в Назарете, Палестина. **2.** Престол средневизантийского периода в пещерном храме Приумножения хлебов в Табхе (Палестина). Престол поставлен над древним камнем-престолом с остатками высеченного на нем подквадратного углубления «стационарного потира» и желобками для пролива вина. Фотографии М.В. Соболевой, 2007 г.

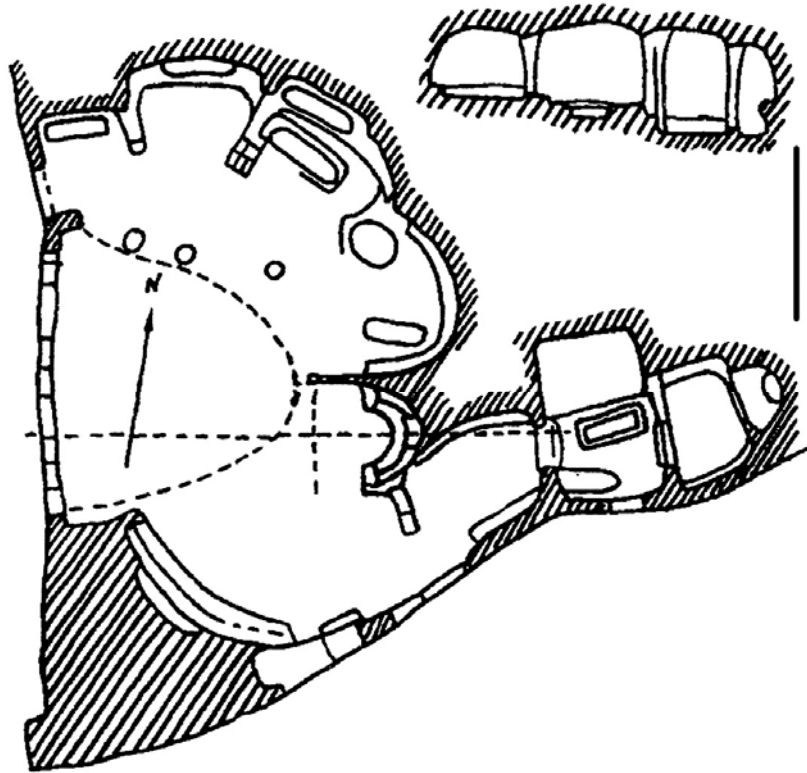

Рис. 36. Центральный (основной) придел главного пещерного храма Эски-Кермена – «Судилище». Вид на алтарь: переоборудованный во «владычную кафедру» древний престол с сопрестолием (синтроном) и квадратное углубление (для закладки мощей?) – основание престола по центру алтарного пространства. Фотография автора 2006 г.

Рис. 37. Рельеф с изображением священника за престолом (престол отделен от стены апсиды, в соответствии с правилами литургии по чину Василия Великого: служба **вокруг престола**), и диакона в позе молитвы («оранта») с воздетыми руками. V в.н.э. Музей коптского искусства. Каир, Египет. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

Рис. 38. Южный придел «Судилища» в Эски-Кермене («египетский» придел) в Крыму, с примыкающим к стене древним престолом; и нишей жертвенника (слева), доступной из наоса. На врезке (внизу, справа) поверхность престола с крестообразным углублением «стационарного потира». Фотография автора, 2009 г.

Рис. 39. Выносной каменный престол с высеченной «водосвятной» чашей в форме креста («стационарный потир»), расположенный перед входом в перед пещерную «божницу». Село Монастырек (Межигорье) над Серетом. Тернопольская область, Западная Украина. Фото И.С. Винокура, 1974 г.

Рис. 40. Христианская фибула «цебельдинской культуры в Абхазии» (IV-VI вв.), из разграбленных фондов Отдела археологии НИИ истории языка и литературы Академии наук Абхазии (выставленная грабителями на продажу в Сетевых электронных аукционах). Схожа с несколькими, из находок Ю.Н. Воронова в Цебельдинской долине Абхазии до 1974 г.

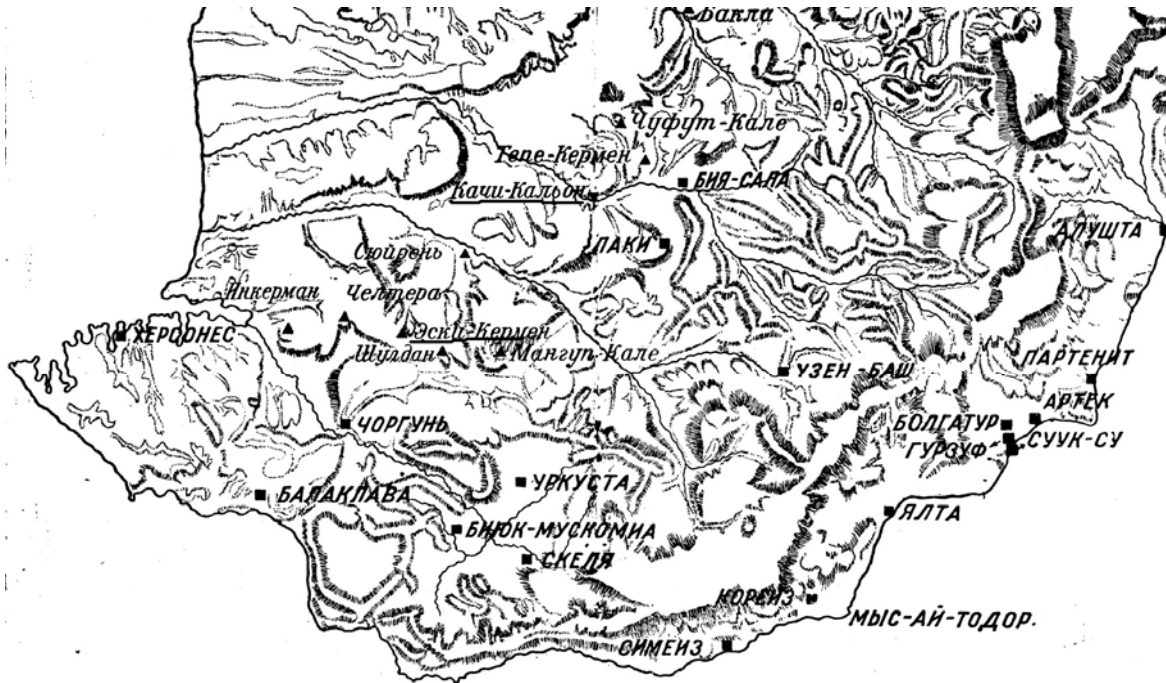

Рис. 41. Карта «пещерных городов» Крыма и могильников типа Суук-Су, составленная В.И. Равдоникасом [67].

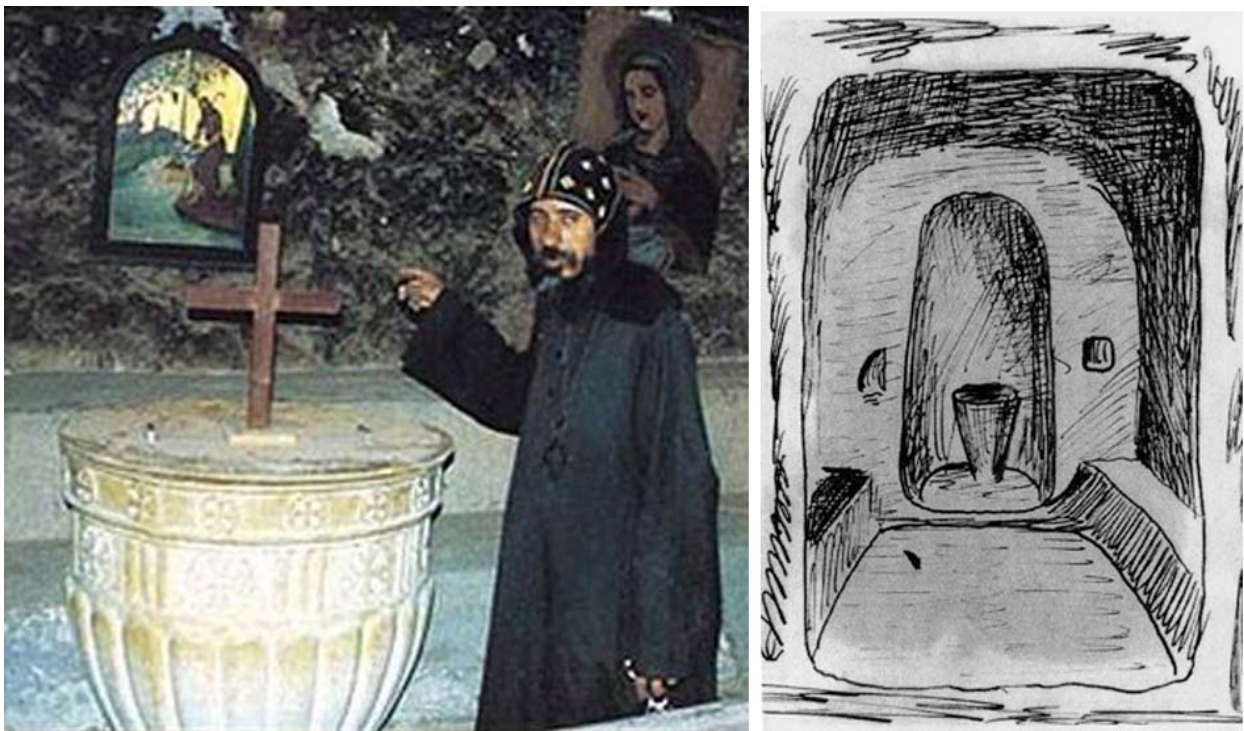

Рис. 42. Престол подземного храма в Вадии Загра, Египет.

1

2

Рис. 43. **1.** Престол храма по Виа Долороса в Иерусалиме между монастырем “Ессе Ното” и греческим монастырем «Тюрьма Иисуса» («тюрьма Вараввы»). **2.** Престол храма по Виа Делороса в Иерусалиме у монастыря “Лифостротон” (монастырь Сестер Сиона).

1

2

Рис. 44. **1.** Пещерный монастырь на Сорокадневной Горе (Горе Испытаний) возле Иерихона, Палестина. **2.** «Камень Сидения» - древний престол в ранневизантийском пещерном храме «Испытаний Иисуса» на «Сорокадневной Горе» (Джебель Кварентал).

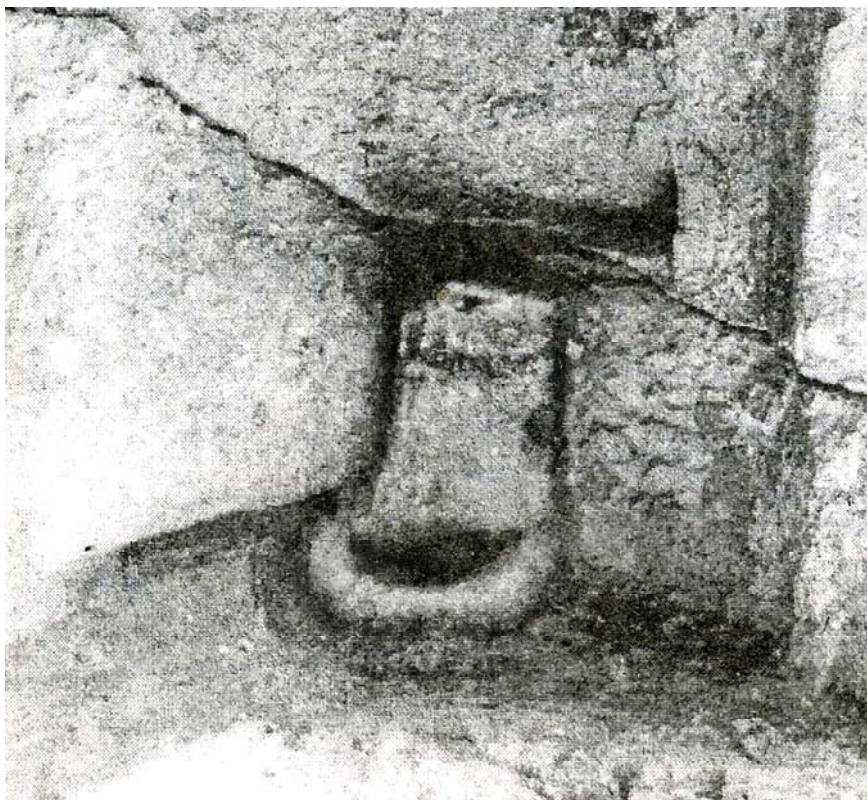
Рис. 45. Престол пещерного храма во имя «Невинно убиенных младенцев, убитых Иродом» в подземном монастыре Рождества Христова в Вифлееме. Палестина. **1.** – Престол; **2.** – Ниша жертвенника с углублением в виде чаши.

Рис. 46. Кимитирый черепов в Вифлеемском пещерном монастыре Рождества Христова при подземном храме Младенцев, невинно убиенных Иродом. Фотография М.В. Соболевой, 2007 г.

1

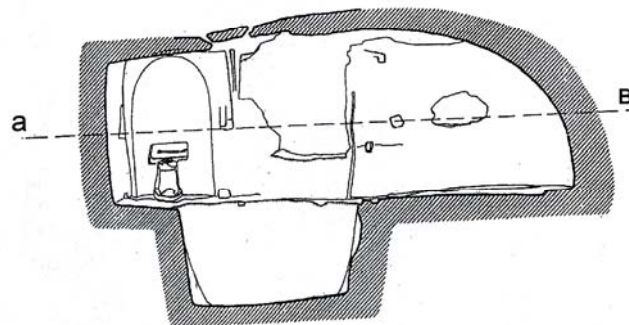
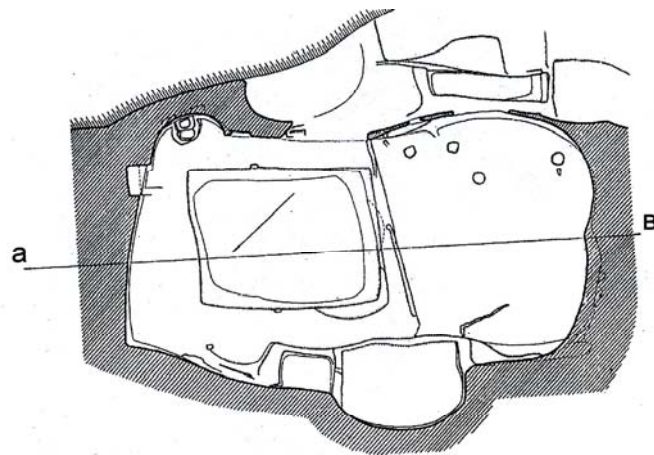

2

Рис. 47. **1.** Алтарь пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене, Крым. 1: выступ престола (с примыкающей к основанию выступа частью каменной чаши); 1a: ниша-паз для установки очень массивной плиты-мензы; 2: ниша-жертвенник с высеченным чашеобразным углублением в горизонтальной полке основания ниши. **2.** Престол храма «Успения» в Эски-Кермене, Крым. Фотографии автора, 2006 г.

3

4

Рис. 47. (Продолжение). 3. Алтарь храма «Успения» в Эски-Кермене (Крым) по Ю.М. Могаричеву. 4. План и разрез храма «Успения» в Эски-Кермене по Ю.М. Могаричеву.

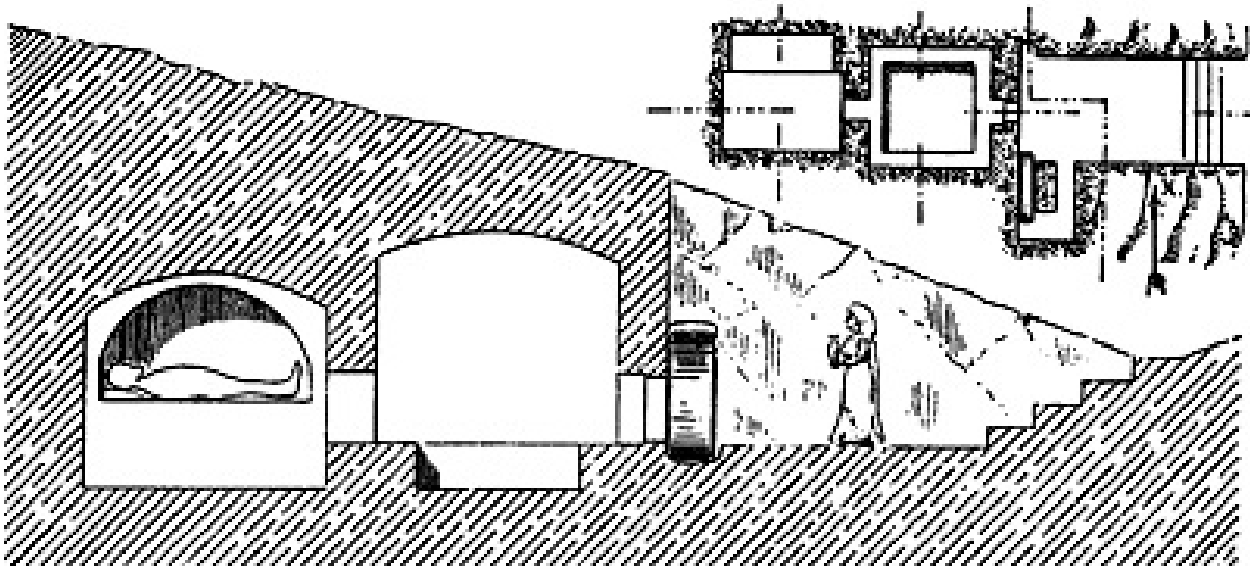

Рис. 48. Реконструкция скальной гробницы Гроба Господня по текстам Евангелий. Рис. Л. Венсана. 1914 г. [124, р. 217-219].

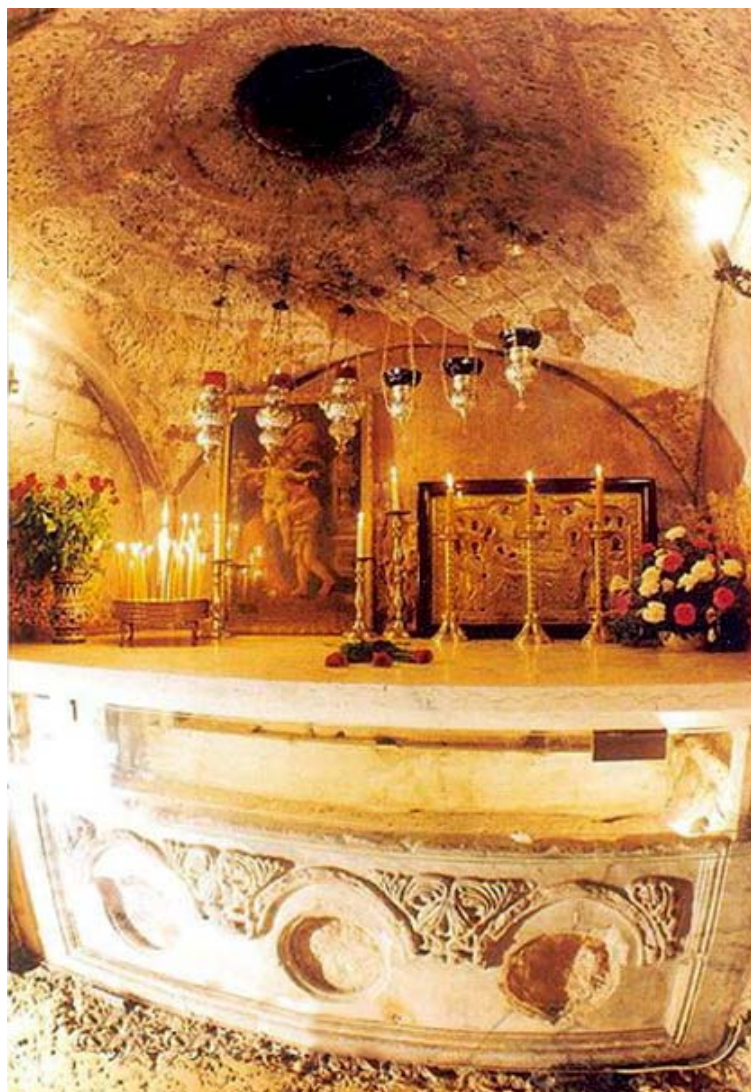

Рис. 49. Погребальная «лавица» Богородицы в Гефсиманском пещерном храме. Иерусалим.

Рис. 50. «Престольная ниша» и раннехристианские погребальные ниши-аркосолии (справа и слева) в катакомбах св. Коммодиллы. Кубикула Льва. IV в. Рим, Италия.

Рис. 51. «Престольная ниша» с росписью VI в. Руины монастыря св. Иеремии, Саккара, Египет.

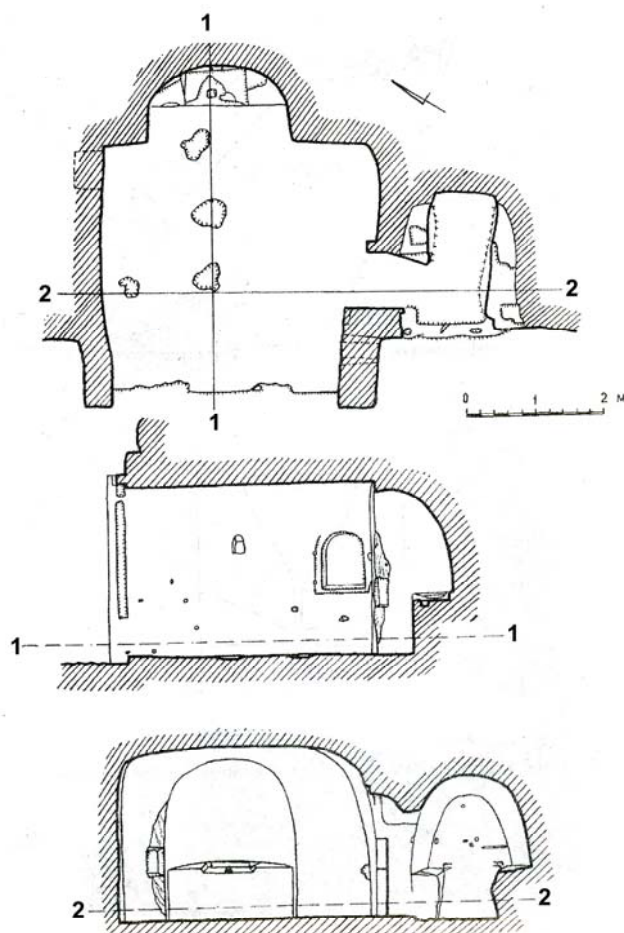
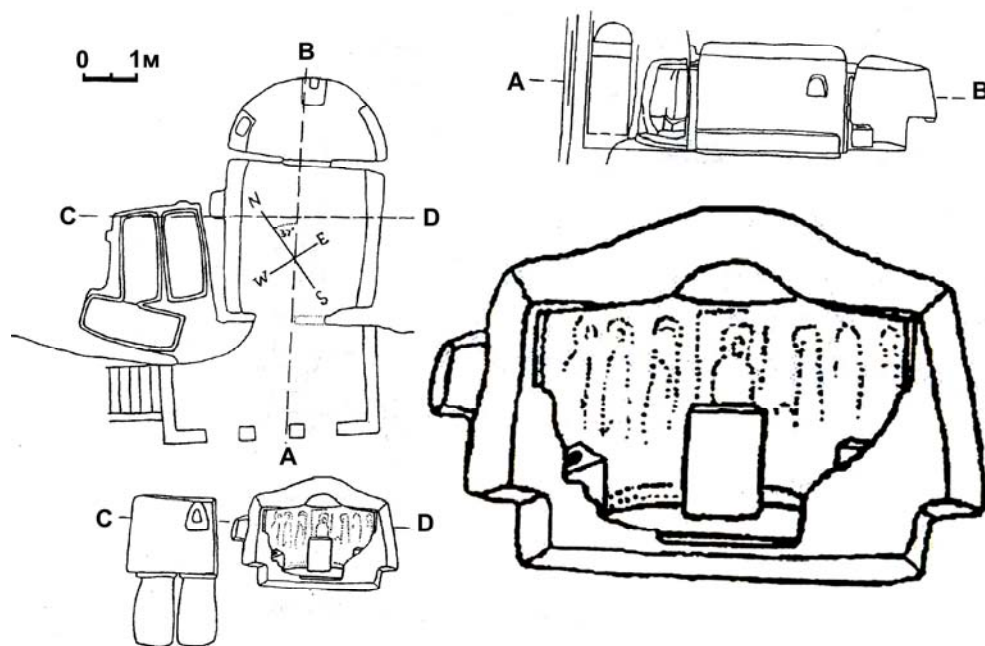

Рис. 52. Храм Евграфия, «Армянский храм» и церковь в углу Монастырской скалы (по Д.М. Струкову и материалам экспедиции ГАИМК в 1937г.) в Инкермане (Крым) [59, с. 113, 129,145, рис.4,5,7, 20, 41].

Рис.52. (Продолжение) Храм Евграфия, «Армянский храм» и церковь в углу Монастырской скалы.

Рис. 53. Вид на престол храма «Трех всадников» в Эски-Кермене, Крым. Современное состояние. Фотография автора, 2009 г.

Рис. 54. Жертвенник в храме «Трех всадников» (2009 г.). Фотография автора.

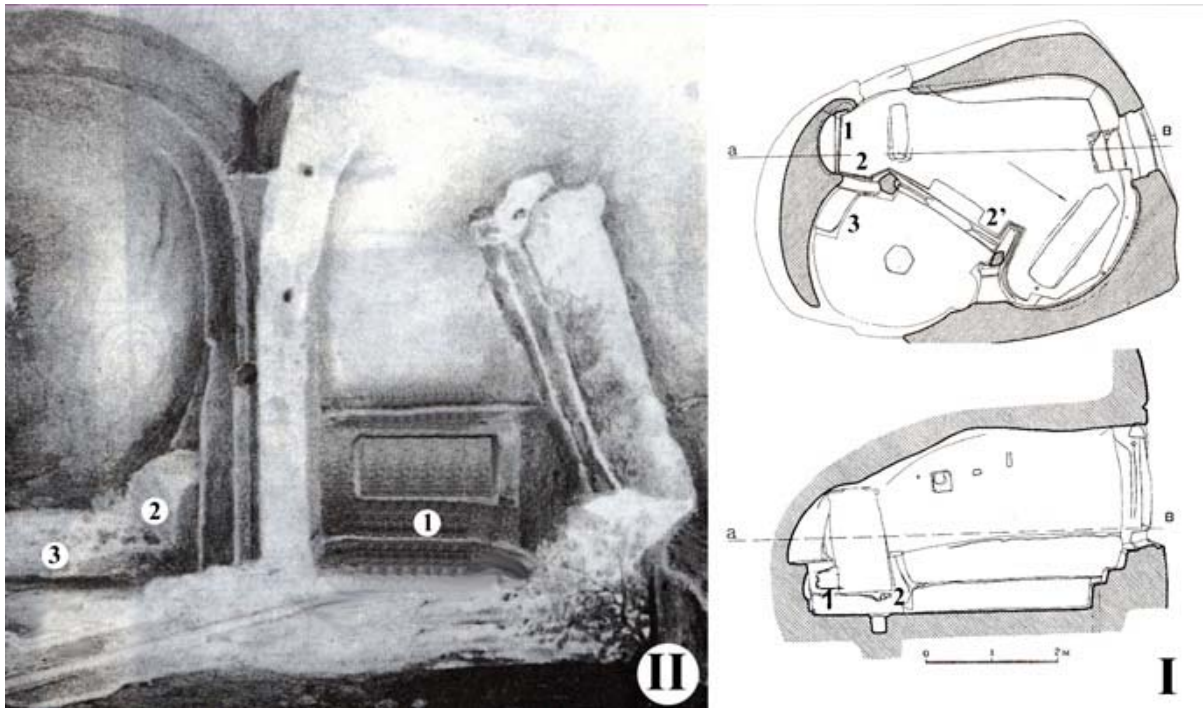

Рис. 55. I. План (и разрез) храма «Трех всадников» по Ю.М. Могаричеву [59, с. 256-258, рис.190-192]. II. Вид на престол храма «Трех всадников» из неизданного альбома графа А.С. Уварова. 1.- Престол. 2.- Жертовник. 3.- Приступок, исполнявший функции синтрона.

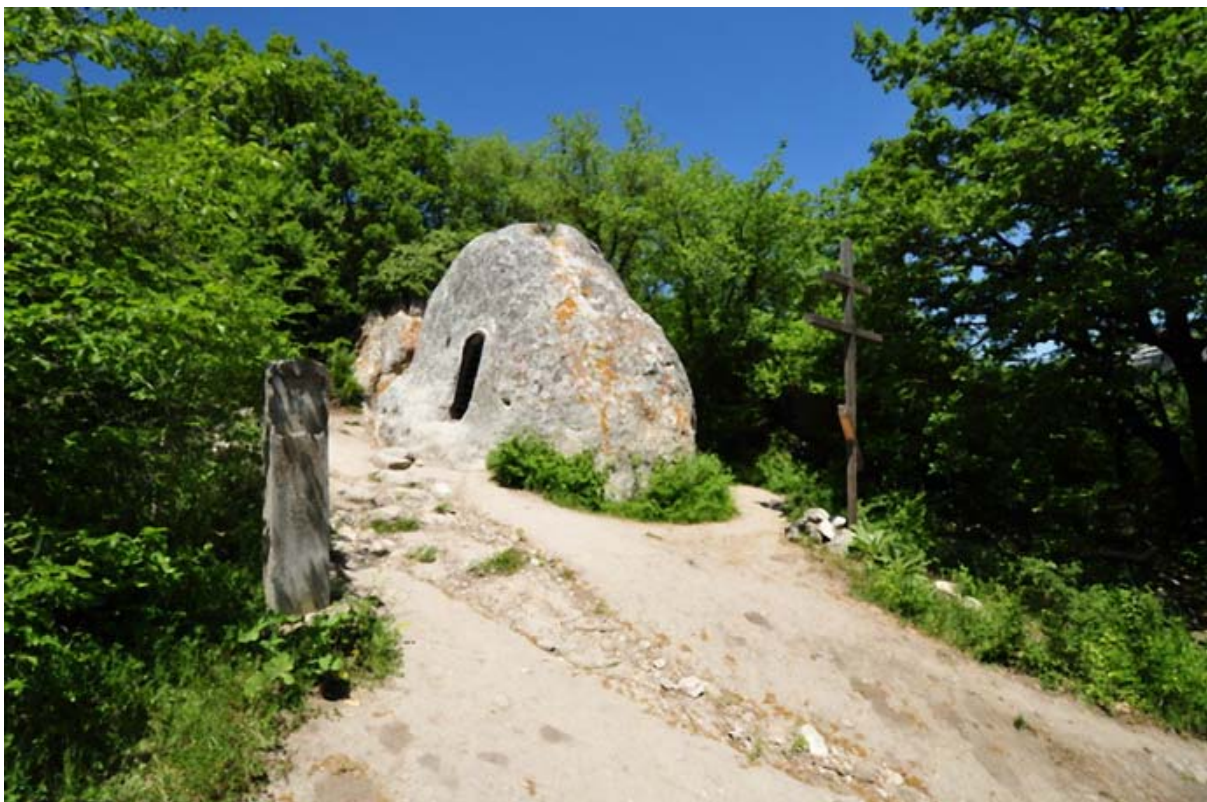
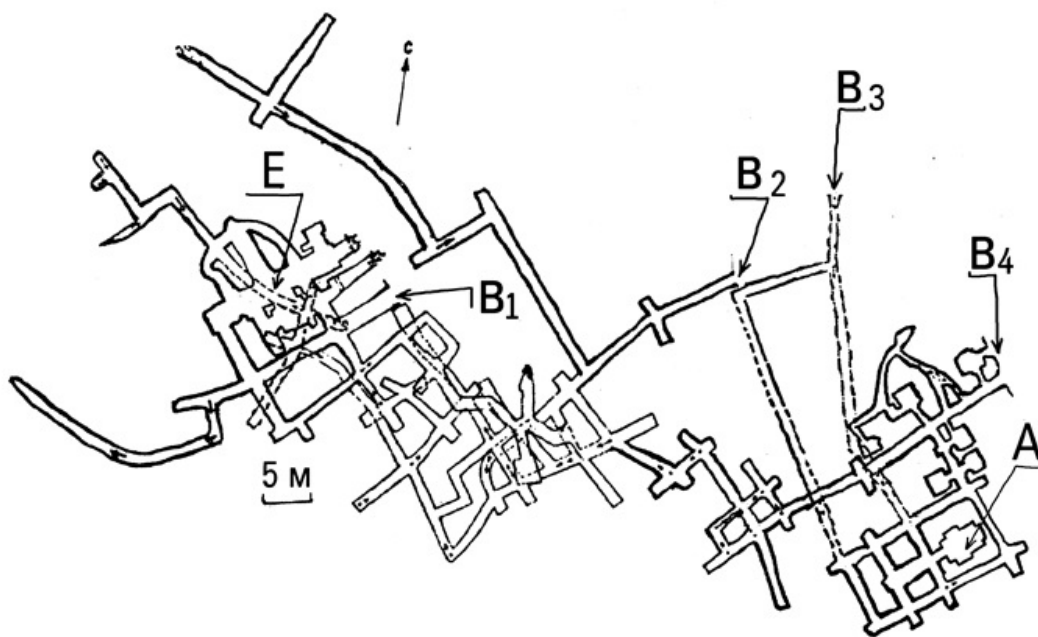
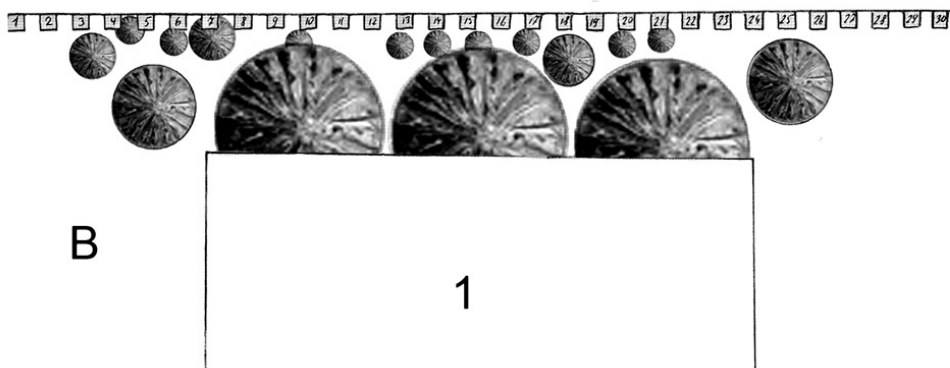
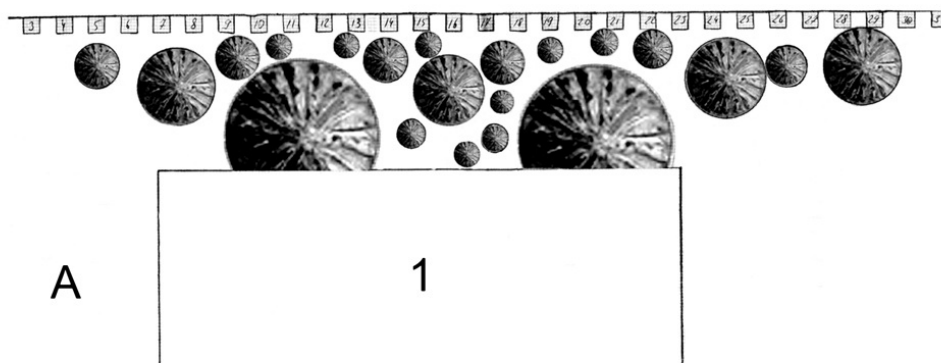

Рис. 56. Внешний вид останца в 2006 г., в котором высечен храм «Трех всадников» в Эски-Кермене, Крым. Фотография автора.

1

2

Рис. 57. 1. План пещерного Белогорского монастыря (Подонье). А.- «Цветная комната». В (1-4). – Выходы на поверхность.Е.- Пещерный храм во имя св.благоверного кн. Александра Невского (1817, архитектор Амвросиев). 2. Северная (А) и южная (В) стены «Цветной комнаты» в Белогорском пещерном монастыре (Подонье). Прорисовка В.В. Степкина, 2005 г.

Рис. 58. Алтарная стена «Цветной комнаты». 1. Полочка ниши-престола с высеченным чашеобразным углублением 2. Полочка жертвенника с высеченными двумя чашеобразными углублениями. Фотография В.В. Степкина, 2005 г.

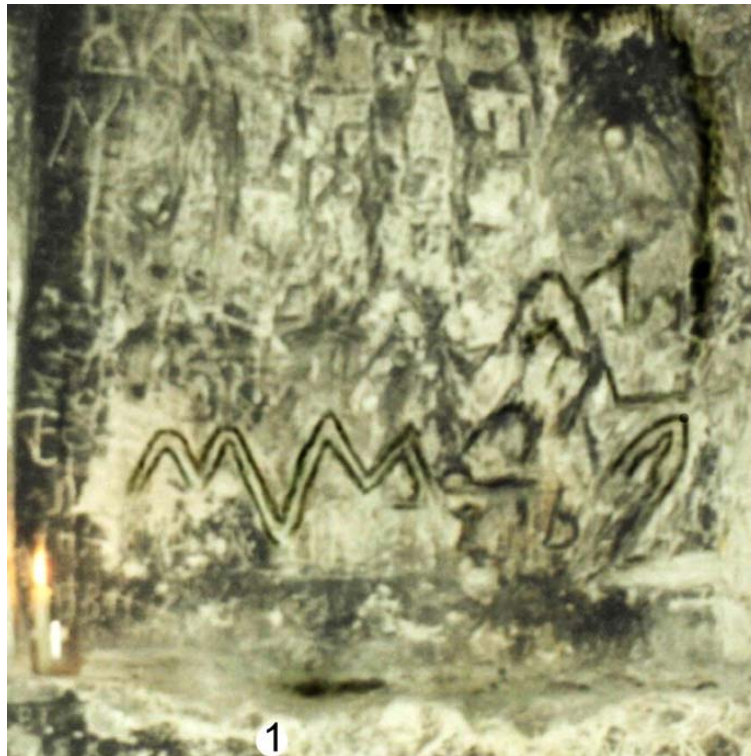

Рис. 59. Остатки «композиции» в алтарной нише «Цветной комнаты». Фотография В.В. Степкина, 2005 г.

Рис. 60. Волютообразные композиции, обрамляющие престол в храме Зверинецких пещер Киева. Фотография автора, 2006г.

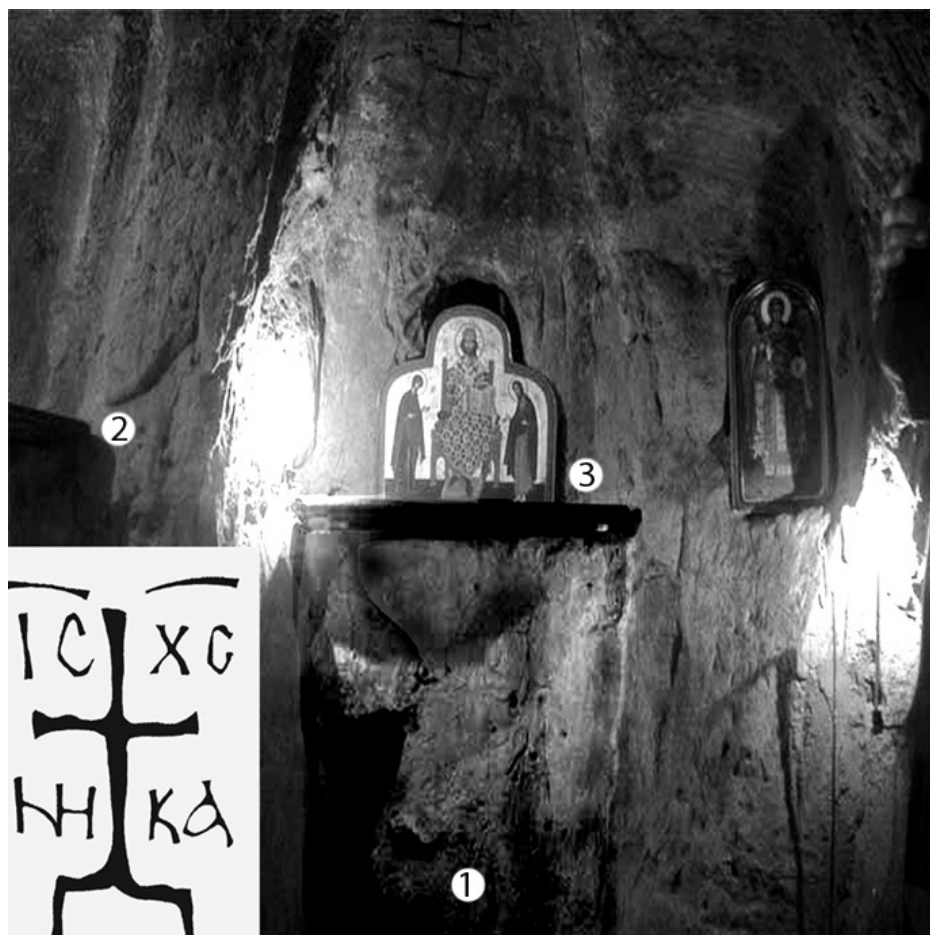

Рис. 61. Престол в виде выступа и продолжающая его мензу (поверхность) полка ниши в храме Зверинецких пещер Киева. Фотография автора, 2006г.

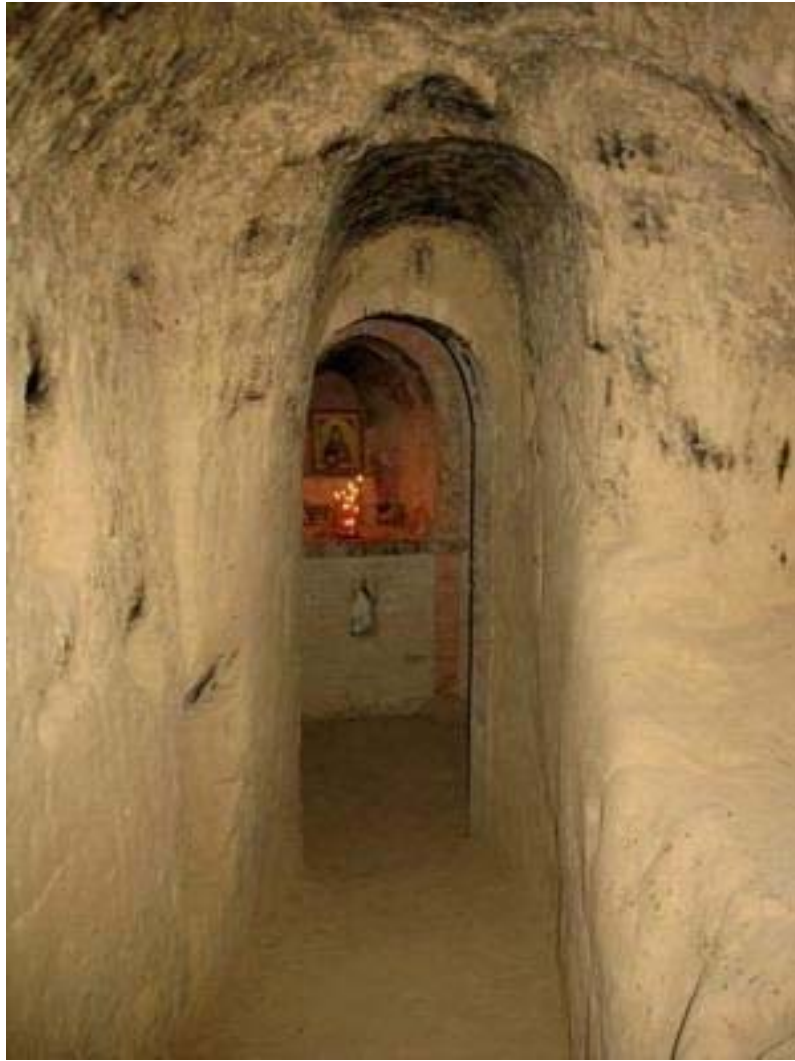

Рис. 62. Престол-ниша в Китаевских пещерах Киева. Фотография автора, 2006г.

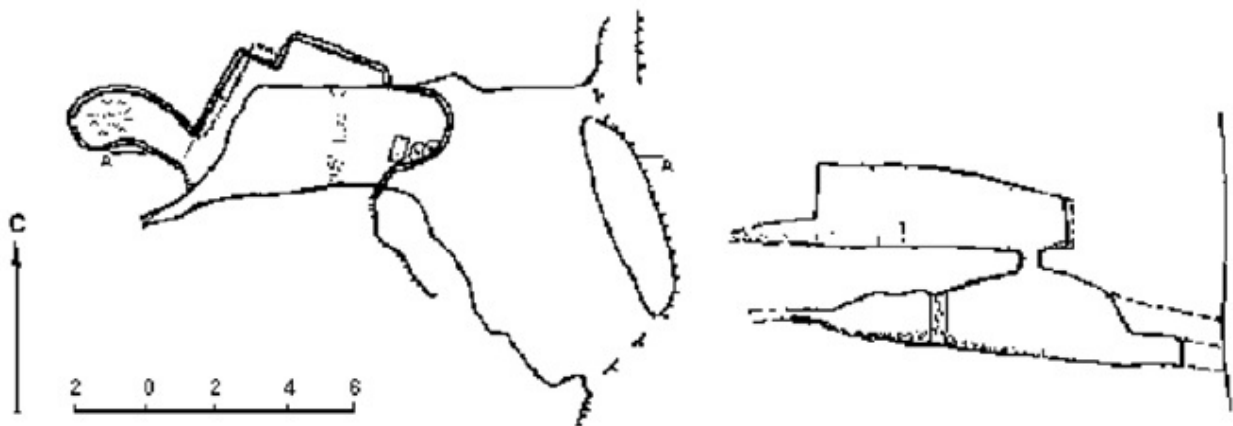

Рис. 63. 1. План и разрез Загнитковского пещерного скита («пещера Кармалюка») по Л.Н. Суховой [1999; 2001]. Одесская область (Украина). 2. Пещерный храм в верхнем гроте у с. Стенка по В.С. Артюх [1998] (фотография 2008г.).

Рис. 64. Входы в двухъярусный пещерный скит в парке села Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области. Украина. Фотография Сергея Клименко, 2004 г.

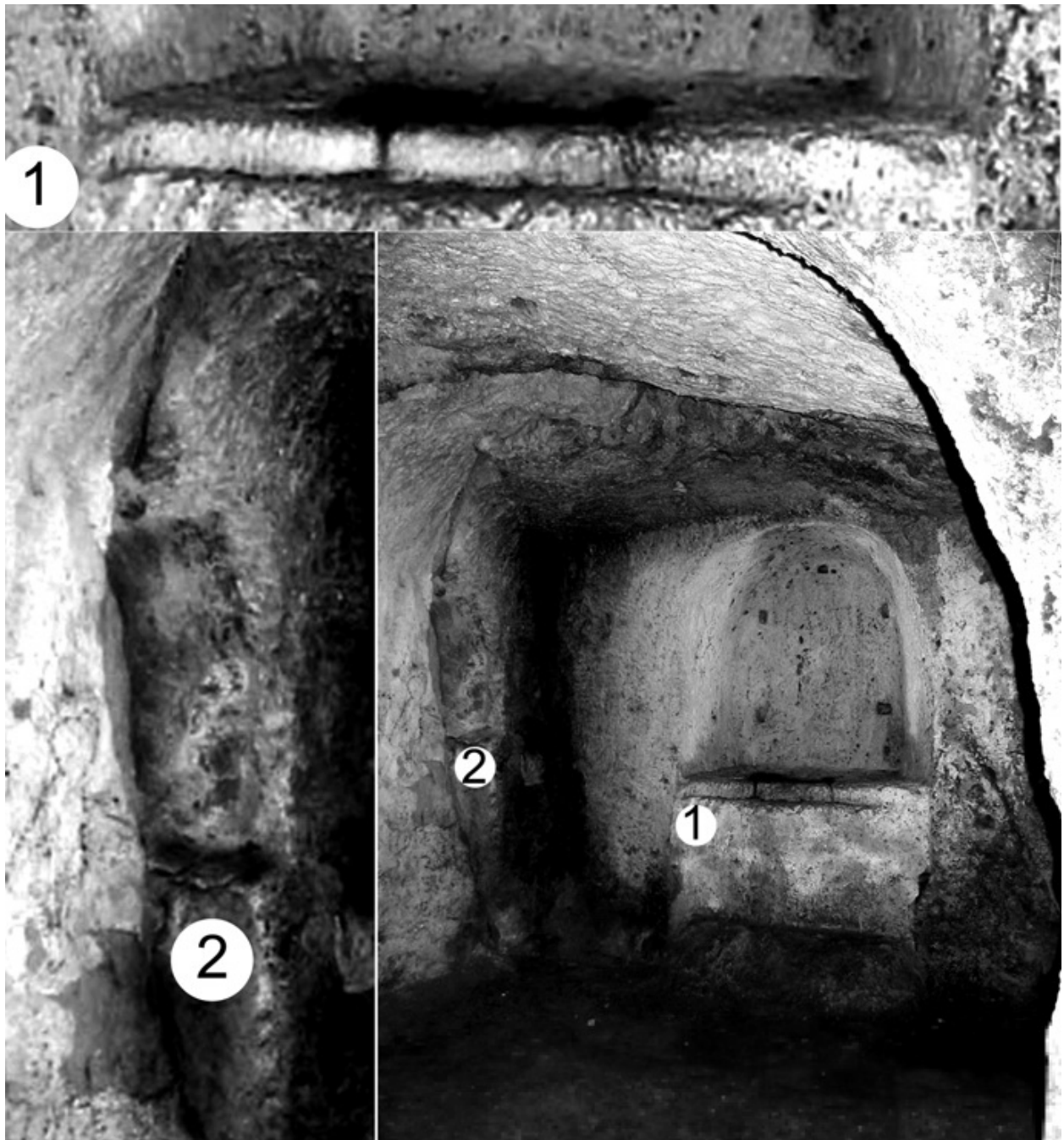

Рис. 65. Алтарная ниша, - престол (1) и ниша-жертвенник (2) пещерного скита у с. Малеевцы Дунаевецкого района Хмельницкой области. Украина. Фотография Сергея Клименко, 2004 г.

1

2

Рис. 66. **1.** «Черный камень» с пещерными келиями, помещениями и престолом под скальным навесом (а) - на врезке, внизу справа. **2.** Вход в пещерный комплекс со стороны обрыва под скалу «Черный камень». Фотография автора, 2006г.

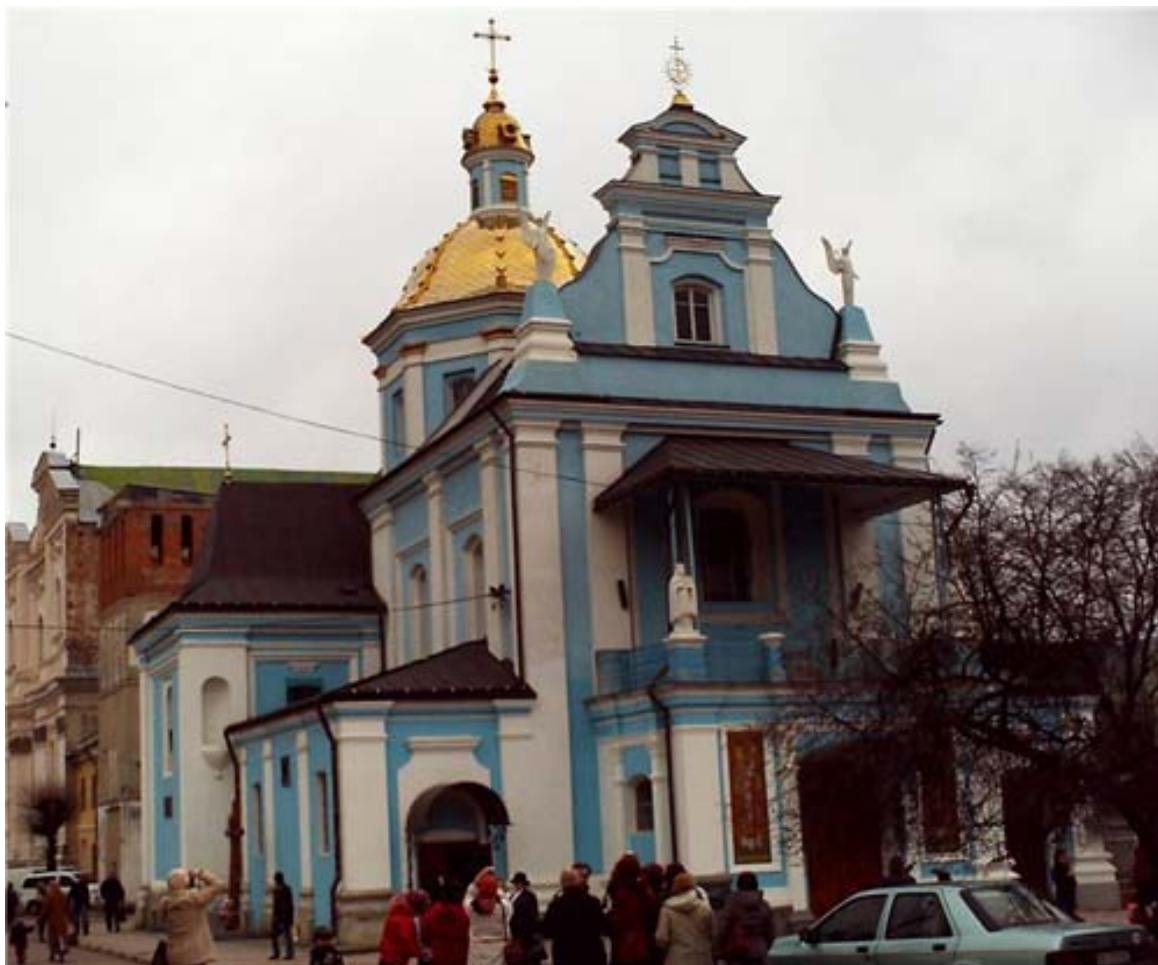
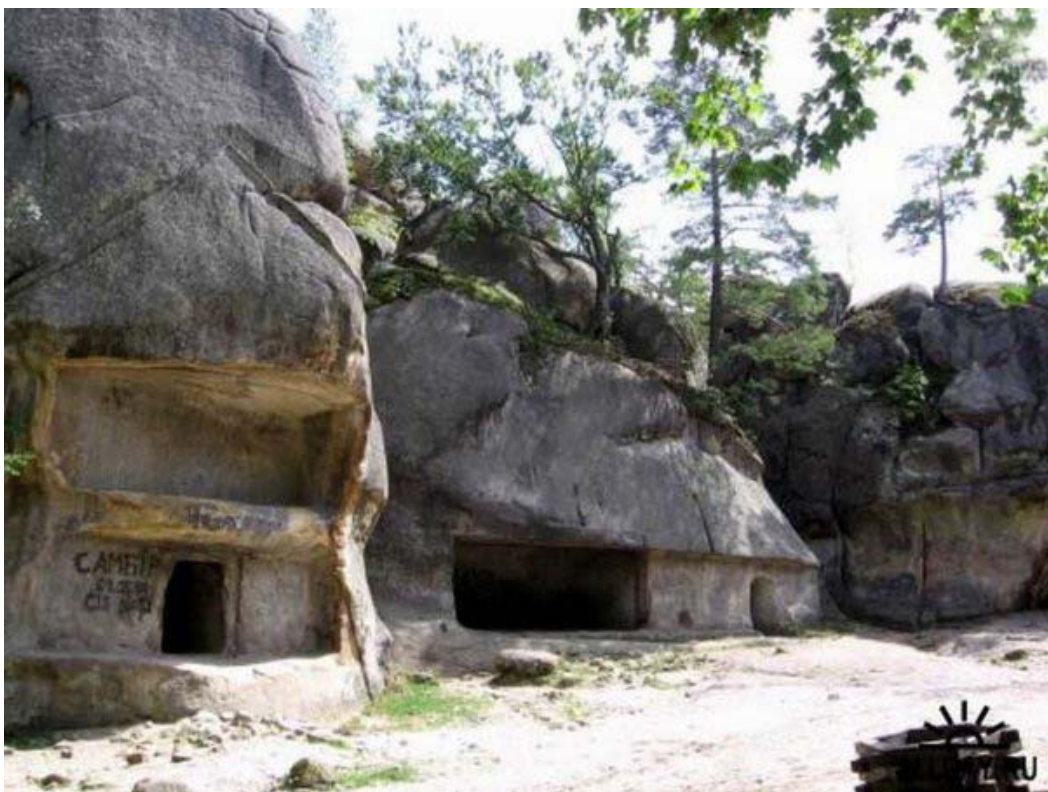

Рис. 67. 1. Вид на Самборский монастырь Рождества Богородицы.

2

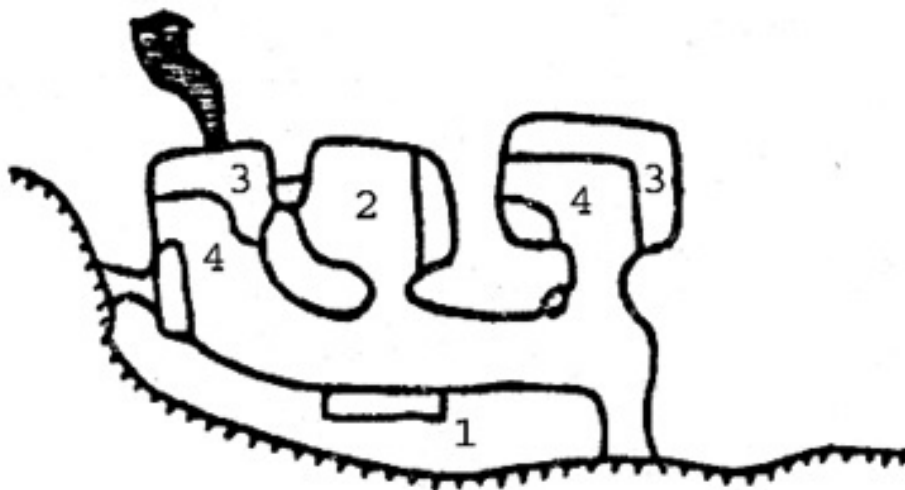

3

Рис. 67. (Продолжение) **2.** «Хрустальная рака» с мощами св. Валентина в Самборском монастыре Рождества Богородицы. **3.** Входы в пещерные келии и помещение «трапезной» под Самбором.

Рис. 68. Древний престол-выступ в храме пещерного монастыря у с. Страдч Львовской области (Украина). Фотография автора, 2006 г.

1

2.1

Рис. 69. Пещерный Троицкий скит в Сатанове. Подноровье, Западная Украина: **1.** План пещерного скита. 1. – Погребальная ниша-аркосолий. 2. – Помещение келии. 3. – Престолы и сопредстолия в маленьких пещерных храмах (4). **2.1.** Сопредстолия в малом пещерном храме Троицкого скита.

2.2

Рис. 69. (Продолжение). **2.2.** Вид на алтарь в первом малом пещерном храме.

3.1

3.2

Рис. 69. (Продолжение). **3.1.** Служба в Свято-Троицком пещерном ските у местечка Сатанов Городоцкого района Хмельницкой области на 07.06.1995 г. (Духов день Троицкого праздника). **3.2.** Вид на алтарь второго малого пещерного храма.

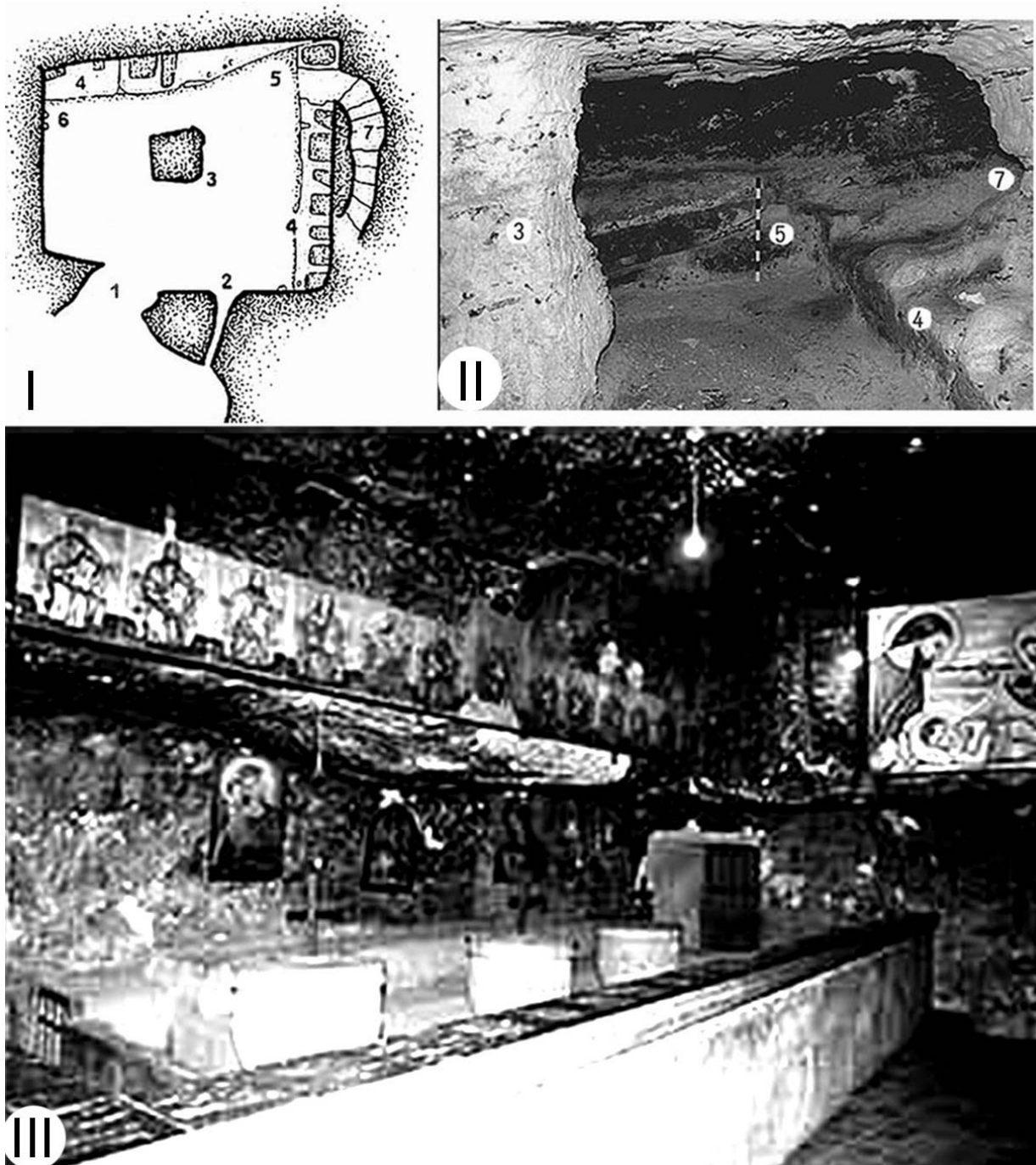

Рис. 70. План (I) и вид от входа (II) на храмовую пещеру горы Кармел, Палестина. 1.- Вход. 2.- Оконце в скале. 3.- Центральный столп-останец скалы. 4.- Скальные выступы-останцы - сопредстолия. 5.- Возвышение, соответствующее «жертвеннику». 6.- Скальные выступы в виде полуколоннок. 7.- Лестница на нижние уровни подземных помещений. III. Сопредстолия в пещерном храме Вади Загра, VII в. (Египет).

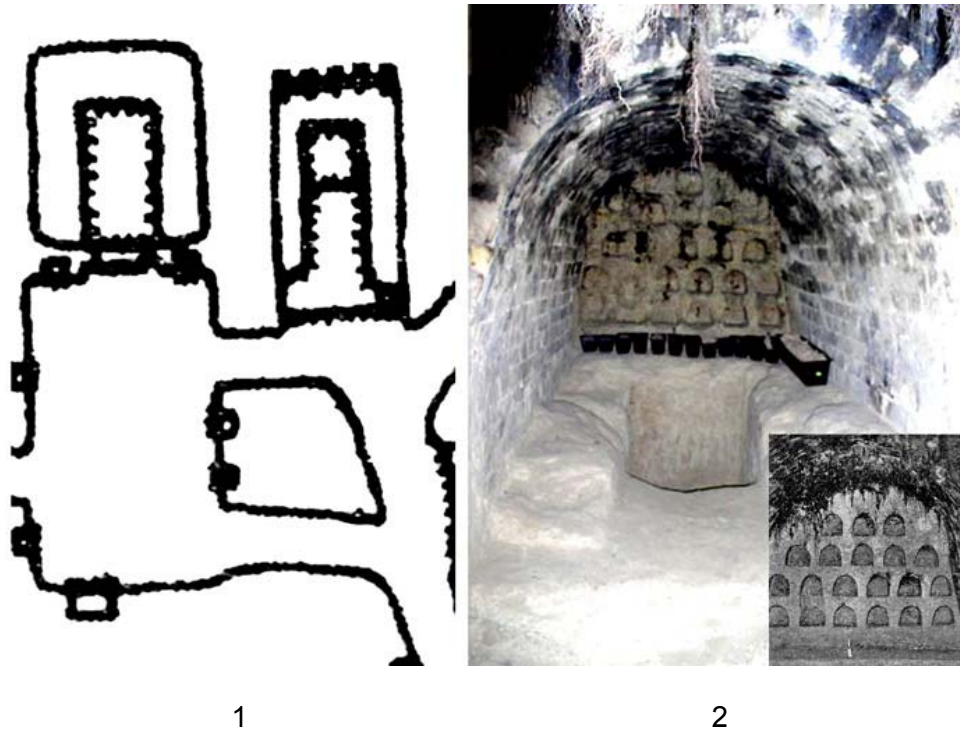

Рис. 71. **1.** План участка пещер в урочище «Церковщина» (Гнилец) с криптой «мироточивых голов» (кимитирий черепов) по Т. Бобровскому (2007). **2.** Келия-затвор с лежанками под тремя стенами. В тыльной стене над уступом «лежанки» - множественные ниши для размещения мощей (черепов) – «мироточивых голов». Пещерный монастырь в ур. Церковщина (Гнилец) возле Киева. Украина. Фотография автора, 2006 г. **3.** Кимитирий «мироточивых голов». Фотография П.П. Толочко, 1969 г.

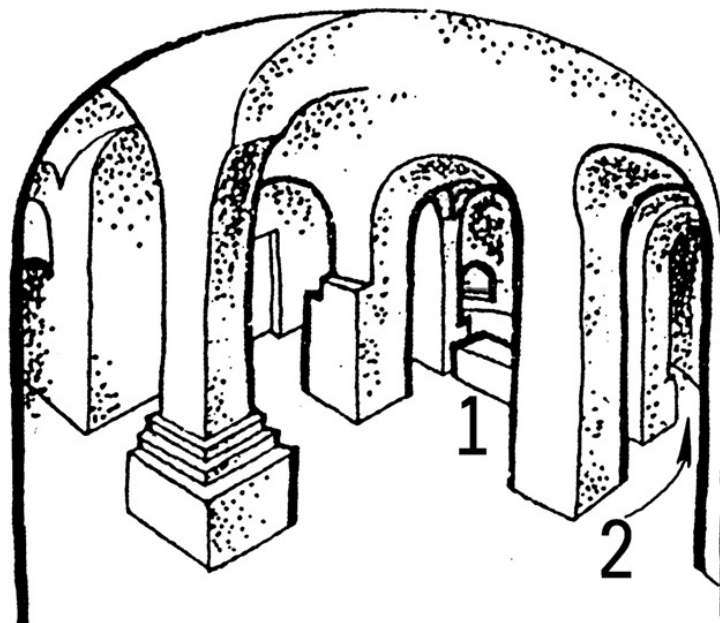

Рис. 72. Храм Холковского пещерного скита над Осколом (Подонье). Вид на алтарь. Аксонометрия В.И. Плужникова [1985]. **1.** – Престол-выступ древнего типа (из лежанки отшельника), с размещенной над ним (слева) нишей (жертвенником). **2.** – Обводная галерея для «кругового обхода» престола при свершении литургии по чину свт. Василия Великого (**вокруг престола**).

Рис. 73. Пещерный храм Токали Келисе близ Гёреми в Каппадокии (Турция). 1. – престол. 2. – ниша жертвенника. 3. – горнее место.

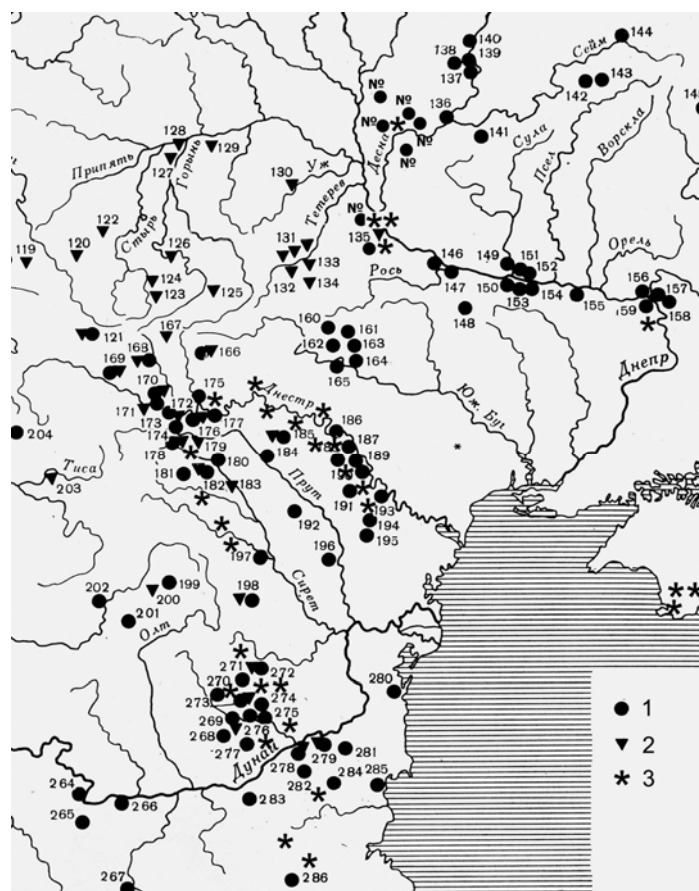

Рис. 74. Пещерные христианские памятники по Г. Атанасову [13] (3) с дополнениями автора (по Крыму, Дону, Десне и Днепру) и Е.Базгу по Буго-Днестровскому региону [112, s. 11, fig.1] на фоне распространения пеньковско-колочинских (1) и пражско-пеньковских памятников VI-VII вв. по В.В. Седову [73].

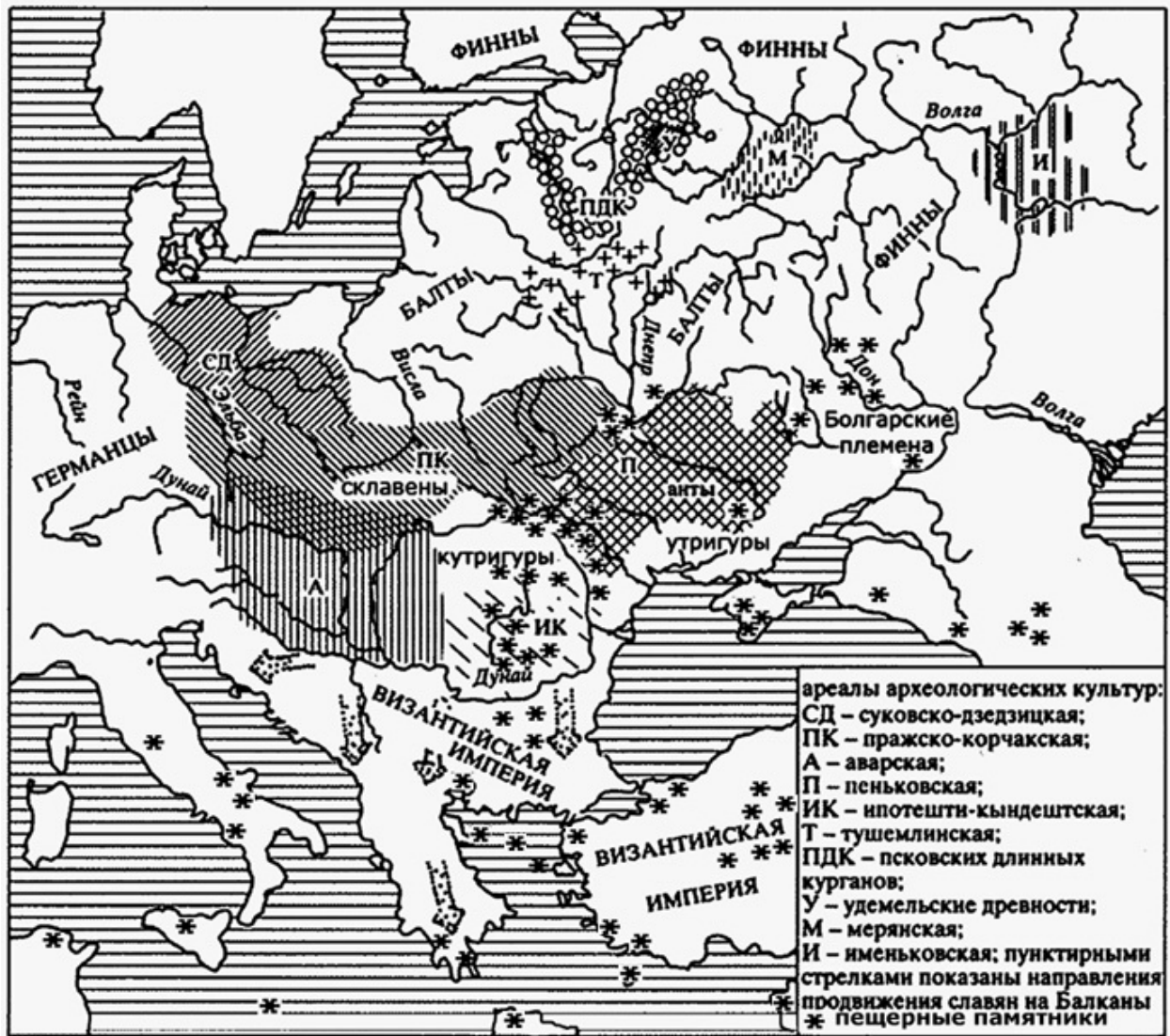

Рис. 75. Пещерные христианские памятники по Г.Атанасову [13], с дополнениями автора (по Аппенинам, Балканам, Малой Азии, Средиземноморско-Эгейской акватории, Кавказу, Крыму, Дону, Десне и Днепру) и Е.Базгу по Буго-Днестровскому региону [112, s. 11, fig.1] на фоне раннесредневековых этно-культурных массивов по В.В. Седову [73].